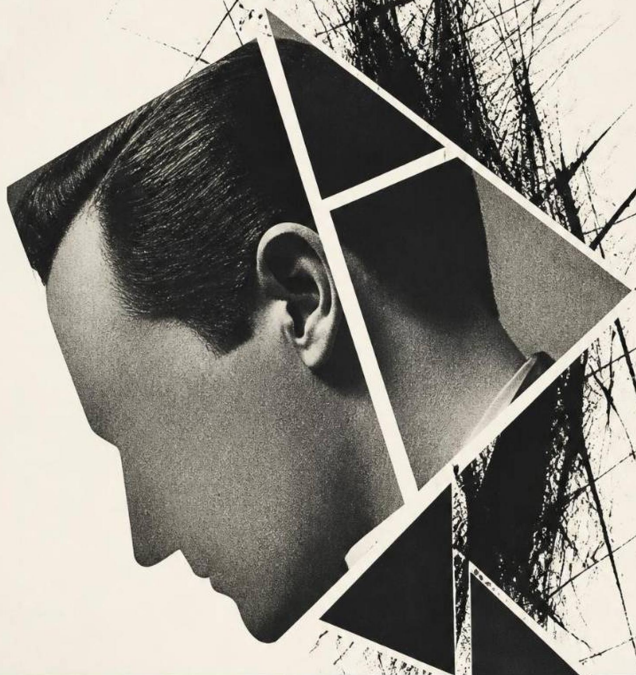

ЭМИЛЬ АДЕЛЬМАН

ШЕСТИГРАННИК

Эмиль Адельман

ШЕСТИГРАННИК

<https://litres.ru/74546679>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, куда вы отправляетесь, привычные правила времени, пространства и логики больше не работают.

Истории разных человеческих жизней, в которых предстоит:

Прожить теплый день детства, пока взрослые вокруг шепотом страшатся перемен, или прийти в себя и осознать, чтостодневная смена превращается в вечность.

Оказаться в Москве, которая выглядит как ожившая футуристическая утопия, или заглушить бурю в собственной голове, не подозревая о последствиях.

Оказаться посреди открытого моря на дрейфующем катере с выгоревшей электроникой, или наткнуться на собственном участке на замурованный в землю многотонный контейнер.

Какая невидимая нить стягивает их в один узел? Вам предстоит выяснить это самостоятельно.

Представьте, что главы – шесть граней игровой кости. У вас есть два пути:

1. Стандартный: читать главу за главой.
2. Игра в рулетку: найдите кубик, бросьте его и начните чтение с той цифры, которая выпадет!

С какой точки начнётся ваше путешествие? Игра началась!

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1. Сон после прогулки	8
Глава 2. Миссия	31
Глава 3. Забытый багаж	60
Глава 4. Человек	84
Глава 5. Знакомый запах	123
Глава 6. Тень	139
От автора	177

Эмиль Адельман

ШЕСТИГРАННИК

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЧАСТЬ 1 БАРАБАН.

(Инструкция для исследователя)

Привет, читатель! Прежде чем ты перевернёшь эту страницу, я предлагаю тебе выбрать, как именно ты прочтёшь первую часть этой книги. Здесь есть два пути.

Путь первый: Стандартный.

Ты можешь читать главу за главой, от первой до последней, как обычный роман. Это привычно и уютно. Но помни: в мире, куда ты отправляешься, привычные правила времени и логики больше не работают.

Путь второй: Игра в рулетку (Рекомендую именно его).

В первой части книги ровно шесть глав. Представь, что это шесть патронов в барабане револьвера, но каждый патрон уникален. Или шесть граней обычной игровой кости. Найди кубик. Кинь его наугад. Какая цифра выпадет – с той главы и начинай читать книгу!

Например, если выпала тройка – читай третью главу, а затем иди дальше по кругу: четвёртую, пятую, шестую, а потом

возвращайся к первой и второй. Ты удивишься, но книга построена так, что от перемены мест глав сюжет не ломается. Наоборот, он каждый раз собирается в совершенно новую, уникальную мозаику. Попробуй, это отличный аттракцион для ума.

И ещё одно важное предупреждение.

Где-то на середине пути, когда загадки начнут закручиваться в тугой узел, у тебя обязательно появится соблазн схитрить. Заглянуть во вторую часть книги, чтобы легко найти ответы и во всём разобраться.

Честно предупреждаю: не делай этого, только зря потеряешь время.

Если ты откроешь вторую часть раньше времени, ты не найдёшь там готовых разгадок. Ты рискуешь не понять, что и откуда взялось. Для неподготовленного читателя финал покажется лишь набором красивых, но непонятных спецэффектов.

Здесь нет лёгких ответов, которые можно подсмотреть в конце. Этот хронологический пазл нужно прожить целиком, с самого начала.

Так что бери кубик, бросай его и давай проверим, с какой точки начнётся твоё путешествие. Игра началась!

БРОСИТЬ КУБИК по ссылке: <https://www.roll-dice.ru>**или отсканировать код:**

Глава 1. Сон после прогулки

Сейчас, спустя почти тридцать лет, я часто вспоминаю, каким теплым, приятным и спокойным выдался тот июльский день. Не душным, а мягким, солнечным. Наша прогулка в летнем парке была легка и непринужденна. В такие минуты кажется, что впереди еще целое лето, да и вся жизнь, особенно когда тебе всего одиннадцать лет. Мы просто гуляли вдвоем: я и мой отец. Не ходили «по делам», а просто шли, разговаривали, наслаждались солнцем, зеленью деревьев и свежестью большого водоема, на котором примерно полчаса покатались в лодке. Я впервые греб вёслами, и у меня даже получилось сдвинуть нас с места. Вода в озере была цвета неба, но если присмотреться, то вся она была в микроскопических зеленых точках – водорослях – сказал папа. Я толкал лодку веслами от себя и смотрел на берег, от которого мы отплыли. Там маленькие утята щипали траву, а их мама-утка заботливо за ними приглядывала. Наша лодка плыла то и дело, покачиваясь влево и вправо постепенно удаляясь от берега, а в легких волнах поблескивало солнце. Действительно, это оказалось проще, чем я думал вначале, и совсем не страшно.

Те первые месяцы лета девяносто шестого года были невероятно сложными, совсем не таким, как прошлые годы. Даже мне, одиннадцатилетнему, было с чем сравнить. Уже

несколько месяцев я то и дело слышал разговоры старших о том, что ровно век назад людям в нашей стране тоже пришлось нелегко. Но теперь все кругом твердили, что стоит лишь немного подождать, перетерпеть, и совсем скоро станет полегче. Эти слова надежды я ловил повсюду: от родителей, от стариков на скамейках и даже от своих сверстников. Тогда я еще не думал о глобальных переменах, видя определенные последствия, я просто продолжал жить. И наслаждался теплой летней погодой, солнечным светом и природой парка. Поразительно: начиная этот рассказ, я словно наяву переносюсь назад во времени. Все те детские ощущения, мысли и образы мгновенно всплывают в моей памяти, возвращая меня в ушедшее детство.

Через полтора месяца, когда начнется осень, я пойду в школу. Я планирую свой следующий год потратить на изучение устаревших навыков: письмо от руки, вычисления в уме и на бумаге, рисование: карандашом, кистью, мелками. Каждая школа, судя по рассказам, будет проводить обучение таким предметам (которые внезапно стали актуальными) по собственной программе, которую разрабатывают учителя за время наших каникул.

Я слышал и от людей постарше и от совсем старых родственников, что, несмотря на текущие события, в их пору было также. Всем интересно играть с артефактами из прошлых эпох. Так они в детстве мастерили себе лук и стрелы из веток деревьев, играя в индейцев, хотя им были доступны

более современные развлечения, кто-то даже мастерил себе доспехи и мечи для игры в средневековых рыцарей, а кто-то играл в пиратов или в войнушки из ушедших эпох.

Неторопливо мы шли по вымощенной дорожке, а над горизонтом поднимались пушистые облака причудливых форм. Небо постепенно приобретало золотистый оттенок. Лучи закатного солнца нежно освещали теплом зелень раскидистых деревьев, которым было уже почти сто лет. Легкий ветерок слегка колыхал их листья, отчего на земле тени замысловато играли вперемешку с солнечными бликами. Жизнь вокруг текла своим чередом: кто-то кормил уток в озере, кто-то сидел на ковриках, любуясь закатом, а кто-то неспешно совершал вечернюю пробежку.

Захотелось пить, и мы пошли к питьевым фонтанчикам. Вдруг нас обогнали мальчишки на велосипедах. С покрасневшими щеками, на ходу бросая свои маг-байки и наперебой крича: «Я первый!», «Нет, я!», они облепили краны. Ребята жадно пили прохладную воду, не забывая зажимать фонтанчики пальцами, чтобы с хохотом обрызгать друг друга. Они были примерно моего возраста. Их залиvistый смех давал надежду на то, что мы обязательно найдем, чем занять свое свободное время. Мы дети и можем найти игру в любых, казалось бы, самых обыкновенных вещах. Я побежал к ним – отец не был против. И вот нас уже четверо: мы весело пьем, дурачимся и брызгаемся прозрачной водой, а брызги от неё рождают радугу.

Я пишу эти строки, и на сердце приятной негой растекается счастье. Я словно слышу звуки парка в том далеком детстве, ощущаю ароматы попкорна и вареной кукурузы, которые мне тогда были совершенно не интересны, но пропитали мои воспоминания настолько, что теперь я бы с радостью вновь в них растворился. Думаю, возможно, именно такие моменты и формируют в нас человечность, наши лучшие проявления.

Спустя пару минут искренней радости я снял свою насквозь промокшую футболку, и папа выжал её, чтобы сохла быстрее. Я накинул клетчатую рубашку – она была завязана у меня на поясе и практически не намокла. С разрешения одного из мальчишек я взял велосипед и попробовал прокатиться. Почти получилось! Папа вовремя придержал меня за руль и спас от падения. Было весело и совсем не страшно. А что самое интересное, этому велосипеду не нужно было электричество, чтобы двигаться, я своими ногами крутил педали и заставлял вращаться колеса и мчать вперед!

Мы с папой договорились: через пару месяцев, если я хорошо начну учёбу в школе по новым предметам, такой же велосипед появится и у меня! А пока будем ходить в парк и брать их на прокат.

Отец напомнил мне, что дома нас ждет ужин и стоит потихоньку направляться обратно домой, ведь мама, наверное, нас уже потеряла. Мы ушли еще в полдень, а уже совсем скоро стемнеет. Часов на руках у нас не было: вся электроника

сгорела, а механических приборов почти ни у кого не осталось. Лично я даже не представлял, как можно разбираться в этих стрелках и понимать, который час. Папа сказал, что сейчас примерно девять вечера. Обычно в это время года темнеть начинает в половине десятого, и солнце уже совсем близко к горизонту. И действительно, оно спряталось за красивым облаком, по небу расплылись золотистые лучи, удлинняя тени, и я понимал: скоро солнце совсем скроется и настанет ночь.

Я попросил папу еще немного задержаться, чтобы мы успели посмотреть на звезду. «Сегодня облака не помещает. Скоро её станет видно, вот-вот солнце скроется.» – с надеждой сказал я. Отец согласился. Мы сели на дощатую скамейку, выкрашенную в темно-коричневый цвет, папа читал свой журнал, а я смотрел, как тает закат, как пробивающиеся сквозь тучи лучи солнца выглядят живой картиной, и наблюдал за полетом птиц по постепенно темнеющему небу.

И вот, пока еще толком не стемнело и ни одной маленькой звездочки не было видно, я водил взглядом по небу, пытаюсь понять: где же появится она? Наконец проступили первые робкие огоньки. Папа подсказал: «Посмотри вон там, где высокий дом, чуть правее, прямо над горизонтом. Если приглядишься, то увидишь.» И действительно, стоило слегка прищуриться и вглядеться в ту точку, куда указал отец, как я стал различать её прекрасный силуэт.

Она была похожа на цветок. Я бы сравнил её с розой, ко-

торая, отцветая, начала раскрывать свои лепестки. (Возможно, сейчас бы я её сравнил с иным цветком, но тогда, в детстве, именно такая ассоциация первой пришла в голову и закрепилась на годы вперед).

Столь хрупкая и, как сказал папа, недолговечная – бывшая звезда HD 46150 расцветала бутоном, медленно выводя сказочную точку в нашей прогулке. На темнеющем вечернем небе она сияла пронзительным бело-голубым светом, подсвечивая изнутри сами лепестки туманности Розетка. Немного тусклее, чем в первые две недели, но это ядро гиперновой всё еще было отчетливо различимым и удивительно ярким.

Космический взрыв казался ненастоящим, слишком величественным для нашего города. Лепестки этой огненной розы медленно раздвигали ночную тьму, окрашивая края редких облаков в болезненный, неестественный оттенок. Папа рассказывал, что звезда в сердце Розетки умерла, переродившись в гиперновую, но в моем понимании это было рождением чего-то совершенно нового, чем просто эволюция далекого светила. Свет звезды падал на кирпичные стены старых многоэтажек, и в этом сиянии привычные дома выглядели чужими, словно декорации к фантастическому фильму. Мне думалось о том, что этот серебристый поток летит сквозь пустоту прямо к нам, заглядывает в окна остывших квартир и беззвучно меняет судьбы людей. Земля под нашими ногами оставалась прежней, но небо над нами безвозвратно из-

менилось. В то время было стойкая уверенность в том, что этот космический пожар отменил наше цифровое будущее, заставив взрослых вспомнить забытые навыки, а нас, детей, научил смотреть не в экраны телефонов, а вверх, в бесконечную глубину вселенной.

Я запомню этот момент и буду вспоминать его, когда стану взрослым. Может быть, я даже напишу про неё книгу. Жаль, что я не умею рисовать картины, и очень жаль, что не работает ни одна фотокамера, а устаревшие пленочные фотоаппараты остались лишь у коллекционеров. Надеюсь, кто-то обязательно запечатлеет этот тающий в небе цветок, пока он совсем не исчез. Я смотрю ввысь, закрываю и открываю глаза – пытаюсь хотя бы таким способом её запомнить, сделать снимок в памяти. Я так увлекся небом, что даже не заметил, как папа на минуту отошел. И вот он вернулся, протягивая мне кусочек белого мела. Им я потом долго и старательно пытался нарисовать нашу розу на асфальте уже в сумерках.

Мой отец не сказал ни одного плохого слова в ее адрес, хотя все вокруг принялись ругать звезду, как только она зажглась на дневном небе после яркой вспышки 12 мая 2096 года.

Казалось, Земля была готова.

Все ждали именно той минуты, той секунды – 12:35:58, когда она должна была показаться. В это время в небе не летали самолеты, по железным дорогам не шли поезда, а в море не выходили корабли. Это было захватывающее зрелище.

Помню, я сидел на предпоследнем занятии по нейрорисованию, как вдруг в классе стало так светло, как будто за окном вспыхнуло второе солнце или, как минимум, прямо в кабинет направили мощный прожектор. Это не был привычный солнечный свет – всё вокруг залило резким и холодным сиянием, от которого на стенах кабинета мгновенно исчезли тени. Воздух за окном словно потерял прозрачность, став густым и ослепительно белым. Мы подбежали к стеклу. Весь горизонт на северо-западе внезапно вспыхнул ядовито-зеленым и фиолетовым светом, словно неоновые огни. Это свечение будто волнами поползло вверх, окрашивая пушистые полуденные облака изнутри и лишая их красок. Солнечный свет смешался с этой бурей, превращая привычные вещи в безмолвные декорации. Учитель громко попросил нас сесть на свои места и нажал на кнопку закрытия рулонных штор.

Казалось, эта тонкая тканевая преграда полностью огородила класс от пугающих красок. Но буквально под конец урока что-то произошло. В один миг сломались все электронные приборы и интерфейсы в кабинете. Из колонок учительского терминала и динамиков наших персональных планшетов раздался жуткий, утробный звук. Он вообще не походил на обычный шум от радиопомех. Это был странный низкий и вибрирующий гул, он давил на уши, и даже на грудь, перерастая словно в крик ужасно огромного монстра. Кто-то потом сказал, что слышал в этом подобии крика какие-то фразы, буквы, слова. Не знаю, я этого не слышал, на

меня словно зарычал гигантский динозавр, от которого дыхание перехватило. И хотя длился этот звук всего несколько секунд, мы в ужасе закрыли уши руками, а затем всё резко оборвалось.

Мне показалось, что вместе с этим звуком по классу пронеслась какая-то воздушная волна (как оказалось, её я ощутил единственным в классе). Движение воздуха не походило на обычный сквозняк из окна, скорее напоминало невидимый толчок, который и задел меня и одновременно прошел насквозь. В этот момент в горле немного запершило. Показалось, что пахнет так, как бывает после грозы, но с примесью едкого сладкого запаха горелого пластика. Так могли бы пахнуть музейные экспонаты, которые уже давно не в ходу, если бы их зачем-то попытались включить в розетку. Эта волна и запах ушли ровно в тот момент, когда наступил внезапный звуковой вакуум, который пугал сильнее этого шипения. В один миг исчез привычный фоновый гул. Навсегда.

Гул, который сопровождал нас с самого рождения (тихий шелест вентиляционных систем, писк беспроводных зарядок, далекое жужжание дронов-доставщиков за окном). Город будто онемел, лишившись своего цифрового дыхания. На моем учебном планшете, который еще секунду назад светился яркими иконками интерфейса, проступило мое собственное испуганное отражение. Экран превратился в холодный кусок темного пластика. Я нажимал на сенсорную панель, удерживал кнопку перезапуска, но прибор не реаги-

ровал на тепло пальцев. Умное стекло классной доски подернулось серой рябью, выдало короткую системную строку на незнакомом техническом языке и погасло навсегда. Вокруг меня одноклассники точно так же растерянно стучали по своим мертвым гаджетам, и в этой тишине отчетливо слышался только сухой пластиковый стук. Мы внезапно поняли, что остались один на один с пустой комнатой, где больше не было подсказок виртуального ассистента.

Спустя десятки лет, я иногда вспоминаю наши уроки. Нейрорисование, как и все прочие технические достижения, казалось нам чем-то совершенно обычным, хоть и увлекательным занятием. Это сейчас понимаешь, какое это было чудо, а тогда мы просто напяливали на голову эти легкие обручи с датчиками, закрывали глаза, а дальше машина сама ловила мысли и образы, превращая их в картину. Нам не требовалось возиться с кисточками, краской или карандашами. Просто придумываешь сюжет (я, например, любил представлять чаепитие лесных зверей, которые оставались животными, но вели себя как люди), и нейросеть тут же выводила на экран готовый результат. Причем машина сама добавляла кучу классных деталей: прорисовывала шерстинки, падающие листья, солнечные лучи сквозь ветки. Она как будто угадывала, чего ты хочешь, и даже цвет меняла, если настроение вдруг скакало в процессе (одно из правил урока как раз заключалось в сохранении настроения и контроле эмоций, иначе холст мог испортиться).

После того шока технологии вновь ушли далеко вперед и даже в чем-то обошли прежние наработки. Но той легкой простоты визуализации образов уже не вернуть. Кто знает, может быть наши дети или внуки смогут так же, как я в школе, рисовать силой мысли. Нынешний мир устроен куда жестче и суровее. А в тот день, двенадцатого мая, мы переходили от детского творчества к более сложным композициям с использованием геометрии и перспективы. Мне нравился мой набросок: я создавал барабан с пятью или семью отсеками, в которые помещал различные геометрические фигуры. В общем, сказать проще, чем такое «нарисовать», но эту схему я показать не в силах. Она осталась где-то там, по ту сторону от событий того дня.

Когда я шел из школы домой – занятия сразу отменили, – то видел в небе несколько падающих звезд, оставлявших за собой яркие, светящиеся хвосты. Они, словно сигнальные огни, окрашивали майский дневной небосвод полосками, одна за другой. Позже от папы, который через час запыхавшись прибежал домой, я узнал, что это сгорали орбитальные спутники, сошедшие со своих траекторий из-за внезапного отказа навигации. Космическая сеть, которую человечество настраивало годами, умерла в одночасье и продолжала осыпать планету своими светящимися обломками еще несколько месяцев, правда, не с такой интенсивностью.

Хотя моя школа находилась совсем недалеко от дома, я успел в полной мере застать тот хаос, который творился во-

круг. Привычный мир разваливался на ходу. Наш школьный водитель то хлопал дверью, которая не хотела закрываться, то стучал по капоту машины, будто пытаясь оживить ее двигатель или бортовой компьютер. Автобус замер, преградив въезд в школьный двор. Повсюду на тротуарах и газонах лежали обломки упавших с неба небольших дронов-доставщиков. Мне они напоминали упавших на спину жуков. На мгновение показалось, что я слышу от них привычное тихое жужжание, но я тут же понял: это была лишь иллюзия, фантомный звук, который я услышал не ушами, а своими мыслями, взглянув в их сторону. Мой разум, привыкший к ежеминутному цифровому шуму с самого рождения, просто был не готов к этому безмолвию техники.

Жути добавляли и «умершие улицы». Все рекламные голограммы, которые раньше круглосуточно парили над головой, подмигивали и оглушали нас яркой рекламой, исчезли в одно мгновение. Город напоминал общипанную птицу, с которой сняли все перья (весь тот глянец и лоск), оставив лишь бетон и асфальт. Люди вокруг вели себя странно: прохожие растерянно перекрикивались, то и дело проверяя свои карманные устройства. У кого-то, похоже, сломался слуховой аппарат, из-за чего человек просто кричал посреди толпы с дикими, полными ужаса глазами. Я побежал домой, не в силах выносить все это.

Подняться на лифте я даже не рассчитывал, видя по пути смерть техники, на наш этаж я добежал на своих двух,

иногда перепрыгивая через две ступени. Сердце стучало в висках, резкая физическая активность и окутывающий страх выбрали выход – беги изо всех сил. Панель распознавания жильцов не работала, я забарабанил по двери изо всех сил, и дверь открыла мама.

Глупо было надеяться на то, что дома будет всё по-другому, но ведь ребенок по-другому не может. Мама растерянно сообщила, что вся наша техника – холодильник, чайник, электроплита, стиральная машина, умные роботы-помощники и даже устройства для сна и отдыха – просто перестали работать. Она стояла посреди кухни, опустив руки, и смотрела то на меня, то на погасший сенсорный экран мультитварки. Наш домашний андроид-уборщик уснул навсегда в полусогнутой позе. Холодильник больше не издавал привычного урчания, и через пару часов из него медленно, каплей за каплей, на пол начала просачиваться вода от тающего льда. Весь тот ставший обыденным быт, рассыпался за секунды, оставив нас во внезапно замершей квартире.

Шагнув в свой прежний островок стабильности, я окончательно осознал масштаб случившегося, поскольку и его накрыла волна изменений. Не могу подобрать сравнения тому ощущению. Возможно, пусть и в меньшем масштабе это похоже на наводнение, которое не просто смывает целые города, а еще оставляет после себя грязь, ил, и настойчивый запах сырости. Я смотрел вокруг и понимал – буквально всё, что меня развлекало, все, над чем я долго и увлеченно рабо-

тал в виртуальном пространстве (я строил свой виртуальный город, точно такой же, как наш, но без рекламы, вывесок и навязчивой техники), как и всё прочее было утрачено. Мой детский разум отказывался принимать реальность.

Поначалу приходилось сложнее всего, но с каждым прожитым днем в измененном мире я все дальше отбрасывал мысль, дарившую слабую надежду: «это всего лишь кошмарный сон». В те дни мне помогала мысль, будто этот идеальный, чистый город не исчез в никуда, а остался жить где-то там, за черным стеклом отключенного монитора, а я просто потерял к нему ключ.

Мой младший братик все это время мирно спал. Казалось, что его не только не коснулись глобальные события, но и именно ему легче всего будет жить в новой реальности (ему не придется отказываться от прежней жизни и приспосабливаться к новой). Он обычно просыпался от дневного сна часам к трем, как раз, когда я возвращался из школы, так что время шло своим чередом. Что до нас с мамой, то мы пробовали включить и выключить рубильник электрощитка в коридоре туда-обратно несколько раз, запустить приборы, работающие на аккумуляторах, но все попытки были тщетными.

Спустя примерно час с работы прибежал запыхавшийся отец. Его белая рубашка от пота прилипла к телу. Увидев нас, он немного сгорбился и положил ладони себе на колени, перевел дух и сказал: «Слава Богу! Вы дома, и всё в поряд-

ке». Достал из рюкзака сверток: «Вот нам на сегодня обед». В свертке лежали сэндвичи и нарезанные овощи. Мама улыбнулась и сказала: «Спасибо, Саша, ты заботливый, но у нас в холодильнике была еда, голодными бы не остались» (и открыла дверь холодильника, из морозильной камеры которого ручьем потекла вода на пол). Эта немая и нелепая сцена почему-то нас всех рассмешила. От смеха проснулся братик, и мама поспешила к нему в детскую.

Почти за сто двадцать лет с того момента, как начались сильные вспышки на нашем Солнце – которые примерно до две тысячи двадцать седьмого года постоянно создавали проблемы с электроникой, – ученые смогли разработать и постепенно внедрить такие микросхемы и чипы, которым уже ни одна вспышка не смогла бы навредить. Все электростанции были оснащены активной защитой от заряженных частиц, атакующих нашу планету. Предполагалось, что взрыв далекой звезды в созвездии Единорога не причинит нам вреда, а лишь создаст красивый рисунок в небе на пару месяцев. Но это оказалось заблуждением. Как позже объяснил папа, пришли совсем другие волны, иная частота, иное излучение, которое достигло нас со скоростью, почти равной скорости света, и каким-то непонятным чудом, которое ученые пока не разгадали, нам очень крупно повезло (говоря это, папа, погладил меня по голове со словами: но ты не переживай, наша семья все равно бы не пострадала, и мы бы нашли выход из любой ситуации). Об этом писали в газетах

и журналах, оттиснутых на оживших древних машинах, которые вновь стали актуальными на этот, пусть и короткий, но сложный аналоговый период общества.

Первое время было нелегко. Школа закрылась на летние каникулы раньше времени, папин автомобиль остался обездвиженным далеко от дома, и теперь добираться на работу ему стало очень сложно. Хотя расстояние составляло всего пять километров, каждый день он приходил домой уставшим, хотя нам говорил: «прогулялся на славу, воздухом подышал». Маме же пришлось достать книгу рецептов своей бабушки и купить где-то на барахолке газовую плитку, на которой она впервые в жизни училась готовить. Ей помогала моя тётя – её старшая сестра, которая часто проводила время в деревне и отлично разбиралась в таких устаревших приборах. Стоили в ту пору эти плитки очень дорого и их было крайне сложно достать.

В первые две недели я просто не знал, чем себя занять. Мой персональный экран, с которым я не расставался ни днем, ни ночью, стал лишь подставкой под кружку. Ни тебе роликов, ни игр с дополненной реальностью, ни общения в сети. Для меня это было похоже на смерть лучшего друга. Ведь он больше не подбодрит после тяжелого дня в школе, не замотивирует сделать зарядку. А это было так интересно и полезно: голограмма помогала совершать правильные движения, подбадривала. Еще я больше не мог созваниваться с друзьями и играть в футбол по сети. Но мы быстро пе-

решили на живое общение. Оказалось, что и без голограмм можно весело проводить время, только для этого приходится собираться вместе. И несмотря на то, что живем мы не так близко друг к другу, каждый день встречаемся во дворе школы и играем там.

Дней через двадцать после того самого урока в школе папа принес домой чудесный отголосок ушедшей эпохи – настоящую бумажную газету! Я немного испачкался темно-серой краской, но легко смыл эти следы в нашей ванной при помощи обычного мыла. Благо именно в тот день наконец-то запустили холодную воду (хоть и слабым напором). О горячей пока и речи не было.

Запах газеты оказался для меня совершенно новым, интригующим. Все редкие бумажные документы, которые мне доводилось держать в руках раньше, пахли совершенно иначе, а тут проступил такой резкий, но вовсе не противный аромат: что-то вроде смеси сырой тряпки, смазки от петель школьных ворот с легкой примесью гари.

Первые газеты были напечатаны на грубой, серой оборотной стороне складских бланков, или на рыхлой бежевой упаковочной бумаге, но они несли в себе главное – информацию, отсутствие которой мы воспринимали как вакуум космоса. Постепенно бумага становилась более гладкой и однотонной, а краска – менее маркой и липкой.

Эти буквы, которые не подсвечивались, не увеличивались, и не двигались сами перед глазами, а оставались непо-

движными, первое время воспринимались очень тяжело. К тому же, информация была какой-то обобщенной, не настроенной конкретно под меня. Читая поначалу всё подряд, я очень плохо улавливал суть.

Из газет мы узнавали все новости, инструкции по выживанию в новом мире, расположение пунктов выдачи припасов и адреса уцелевших медицинских пунктов. Очень запомнились самые первые газеты, они содержали в себе главное – объяснение того, что и почему произошло. И обещания того, что мы не останемся в каменном веке и скоро всё будет восстановлено.

В ту пору я не особо интересовался природой явления, мне хватило тех первых слов от отца о событии, поэтому никакой новой информации из прессы для себя не вычитывал. Но мне очень понравилась колонка с анекдотами на предпоследней странице и кроссворд на последней. Эти блоки появились относительно недавно, в конце июня. Мама научила меня правилам разгадывания слов, и я втянулся: было увлекательно, сложно, и это затягивало. Я ждал каждый новый выпуск именно ради тех двух притягательных страниц.

Каждая новая газета становилась событием не только для нашей семьи, но и для целого дома! Взрослые собирались группами во дворе, и кто-то один читал статьи вслух для остальных, обсуждали прочитанное и обменивались мнениями.

Все наши бытовые сложности были несравнимы с траге-

дией людей, у которых в один миг отказали бионические сердца – они погибали практически мгновенно. Те, у кого внутри работали другие жизненно важные органы, вроде искусственных легких или почек, тоже не продержались долго. Разумеется, те, кто просто модернизировал свое тело ради силы мышц или вживлял чипы для лучшего взаимодействия с техникой, смогли адаптироваться и жить дальше. Очень тяжело пришлось тем, кому искусственные глаза и уши позволяли видеть и слышать, и теперь у них это в миг отняла вспышка.

Я больше не увидел некоторых своих соседей, их окна оставались открытыми, но звуки оттуда больше не доносились на улицу. Было тяжело наблюдать, как внезапно ослепшие знакомые учились ходить при помощи трости, либо поддерживаемые под руки соседями, с которыми прежде они даже не здоровались. Их неоновые глаза теперь блекло отсвечивали дневной свет, словно стекляшки.

Теперь мне понятно, что паралич техники принес много мучительных смертей, но одновременно уберег выживших от всеобщей паники. Ни сирен спасателей, ни громкоговорителей, предупреждающих о масштабах этой трагедии, мы не слышали.

Этот изменившийся мир в первые часы, дни и недели после трагедии запомнился тишиной: и не только технологической. Люди старались передвигаться медленно, не шуметь, а на улицах разговаривали шепотом, словно боясь потрево-

жить тех, кто оставался в беззвучных окнах.

Оглядываясь назад из своего взрослого настоящего, я ловлю себя на пугающей мысли: я больше не ужасаюсь всему этому. Время сгладило углы, превратив чужую боль в страницы из учебника истории. Я словно читаю их в своей памяти почти отстраненно. Но тогда, в детстве, меня накрывал первобытный, сковывающий страх от осознания человеческой трагедии, которая разворачивалась совсем рядом, буквально за соседней дверью. Я до дрожи в коленях боялся идти по подъезду, ведь нельзя было понять, уехали ли люди из квартир, или они стали для них последним пристанищем. Апатия, грусть, страх, отчаянье, всё разом нахлынуло в момент прибытия первых тяжелых грузовых машин, которые в первые недели заполонили наши дворы. Хмурые военные вручную грузили в них то, что осталось от бионических систем вместе с их несчастными хозяевами, и увозили куда-то далеко за город. Этот детский ужас перед внезапной смертью, которая ходила по лестничным клеткам нашего подъезда, я не забуду никогда.

Несмотря на ограниченные запасы ресурсов в самом начале новой жизни, в то время, когда все умные системы больше не следили за соблюдением законов и правил, мы не столкнулись ни с мародёрством, ни с ростом преступности. Хочется верить, что дело было не в том, что люди просто отвыкли от преступлений, а в том, что это были искренние поддержка и взаимопомощь, которые и помогли пережить самый слож-

ный – переломный этап.

Постепенно гнетущее траурное настроение постепенно сменялось надеждой. Помню, как в начале той недели временные лари с сухим льдом в магазинах наконец-то стали ненужными. Электричество в холодильные камеры вернули почти одновременно с поликлиниками, аптеками и полицейскими участками. Взрослые говорили, что скоро возобновятся электронные платежи и бумажные талоны на продукты уйдут в прошлое. Для этого всем обещали выдать какие-то карточки. Дома папа объяснял, что те старые устройства, которые массово везут в магазины, технически не позволяют платить по отпечаткам пальцев или сканированию глаза. Их смогли быстро восстановить из складских остатков: схемы и проводники, которые в них использовались, были простыми, а кнопки – обычные механические, поэтому они заработали первыми. К осени свет обещали дать и во все жилые дома, а с ним и горячую воду.

Об этих сложностях я тогда не разговаривал с родителями. Я видел, как им тяжело, хотя они прекрасно справлялись и, наоборот, изо всех сил пытались подбодрить меня, увлечь чем-то полезным. Я не задавал лишних вопросов – просто наблюдал, впитывал разговоры отца с мамой, прислушивался к соседям и случайным людям на улице. Никогда прежде я видел столько людей во дворах, как этим летом. Все как-то разом стали более открытыми, общительными и искренне старались помочь друг другу – кто советом, кто делом. Хо-

чется верить, что, когда в их квартиры вернутся кондиционеры и вентиляция, они не забудут своих новых привычек: быть во дворе, как в большой гостиной для всего дома.

А сейчас, в этот приятный момент, в теплый июльский вечер я сижу рядом со своим отцом, и мы смотрим на прекрасную розу размером чуть больше луны, очертания которой становятся тем заметнее, чем ниже солнце скрывается за горизонтом.

– Папа, а давай с тобой посадим в саду розы? Они такие красивые, и маме будет приятно... – сказал я по дороге домой.

– Так и сделаем, – ответил отец.

Мама встретила нас на пороге. Мы вкусно поужинали. Мой маленький братик мирно спал в кроватке, и наши тихие разговоры под шум ложек никак ему не мешали. Вот уже месяц, как мы сняли со стены огромный погасший экран (он лишь занимал место и напоминал о плохом), зато теперь там висели картины. Взрослые говорили, что скоро начнут восстанавливать технику: вернутся телевизоры, компьютеры и умные помощники, и нам вновь не придется тратить время на уборку или приготовление еды. Вот только фабрики пока не успели произвести нужное количество чипов и схем, которых хватило бы на всех.

Ну а пока этого не случилось, после ужина я ушел в свою комнату. В темной спальне я специально не занавешивал шторы. Стоя у окна провожал взглядом верхние лепест-

ки звезды, которые уже совсем скоро скроются за горизонтом. Вечером она была столь прекрасна и ярка! Говорят, что поздней осенью и зимой в безлунную ночь она раскроется максимально красиво, и её бело-голубое ядро в облаках пыли и газа будет всю ночь сиять глубокими красновато-розовыми оттенками, разворачивая на фоне черного неба и маленьких мерцающих звезд настоящие огненные лепестки.

Обычно мои сны бывали тревожными, иногда даже очень страшными. Но сегодня мне снились волшебные миры, где вместо солнца светили огромные цветы, а под ногами стелилась мягкая пушистая трава. Я шел по ней, наслаждаясь приятным теплом, как вдруг трава легонько укусила меня за большой палец. С коротким криком «Ай!» я проснулся. В ногах сидел мой любимый пушистый кот. Видимо, я разбудил его, двигая ногами во сне, в ответ на что он, шутя меня цапнул.

За окном начинался еще один летний день – уже не такой солнечный, как вчера, но я точно знал: за любыми облаками всегда есть солнце, звезды и, конечно же, она – угасающая космическая роза моего детства.

Глава 2. Миссия

В один момент, раз и словно отрезало: тяжелый, навязчивый гул в голове резко прекратился. Казалось, этот шум длился целую вечность. Это был дурной сон? Или я перебрал с алкоголем?

Силясь открыть глаза, я понимаю, что нахожусь не в своей спальне. А где же я? Обзор искажает мне... какой-то купол, он слишком близко, наверное, сантиметров десять над мной. Присматриваюсь и фокусируюсь, но это дается с трудом, всё вокруг плывет, как в тумане.

Пробую повернуть голову, поднять руку, хотя бы разомкнуть губы. Безрезультатно, лежу абсолютно неподвижно и безмолвно. Это состояние очень напоминает сонный паралич. То чувство, когда открываешь глаза после пробуждения, но тело еще не проснулось, а в темноте мерещатся ужасные образы и звуки...и сам ты скован по рукам и ногам, не в силах позвать на помощь или хотя бы укрыться одеялом с головой. Одновременно с попытками вернуть подвижность телу, я восстанавливаю из крупиц воспоминаний общую картину произошедшего. Сознание возвращается: я вспоминаю, кто я, где нахожусь и, главное, почему. Я доброволец, который решился в одиночку отправиться в стодневную экспедицию на Марс. Я первопроходец, новый Юрий Гагарин, если хотите, первооткрыватель.

Неприятное ощущение... но нет, не верно. Ощущений нет никаких, мое тело полностью лишилось чувствительности. Становится по-настоящему страшно. Что, если во сне я получил травму? Например, корабль тряхнуло на вираже, мое расслабленное тело качнулось, я ударился головой о купол капсулы и сломал шею? И теперь всё, что мне остается – лишь неподвижно лежать до конца дней?

Стараюсь отогнать эти мысли. Убеждаю себя, что это всего лишь побочное действие препарата, введенного для погружения в анабиоз. Говорю себе: скоро должно пройти. Но как скоро?

Воспоминания уже полностью вернулись. Я отчетливо помню заголовки новостей: Дирекция N-Space Initiative заплатит огромные деньги тому, кто согласится в одиночку, первым из землян, своими глазами увидеть марсианские пейзажи и ступить на поверхность новой планеты. И да, я тот самый счастливчик, который не побоялся поучаствовать в этом опасном эксперименте. Риски были колоссальными, но вознаграждение (если забыть о деньгах) стоило того – мое имя навсегда попадет в учебники истории! Конкурс был жестким, но я оказался лучшим, ведь именно я, а не остальные пятьдесят три кандидата, сейчас нахожусь здесь.

Капсула замигала мягким зеленым светом. Из скрытых динамиков донесся ровный электронный голос, сообщающий о начале гравитационного захвата планеты и штатной работе всех систем. Метеоусловия позволяли совершить

мягкую посадку. К языку наконец вернулась чувствительность.

– Борт! – скомандовал я, вспоминая заученные на Земле протоколы общения с искусственным интеллектом.

Из динамиков раздался спокойный, мужской голос. Тон Борта был мягким, но пугающе твердым:

– Слушаю.

– Почему я не могу пошевелиться? Я вообще не чувствую тела, у меня паника.

– Модуль сознания не подключен к оболочке, – баритон Борта обволакивал, усыпляя бдительность. – До момента стыковки посадочного модуля с марсианской базой рекомендуется оставаться в статичном режиме. Не волнуйтесь и засыпайте. Я сделаю всю работу сам.

– Но я не хочу спа...

Договорить я не успел. В голову снова ударил шум (на этот раз короткий, хлесткий) и сознание выключилось. Вторично приходить в себя оказалось проще, мысли больше не плыли.

– Ваш полет завершен, стыковка с базой произведена успешно, – Борт возник в ушах без предупреждения. – Хотите услышать короткий отчет о посадке, чтобы скрасить время ожидания подключения к оболочке?

– Оболочке? – я мысленно зацепился за странное слово.

– Ну ладно, давай рассказывай.

– Наш полет завершился спустя двести шестьдесят семь земных дней с момента отправки судна с мыса Канаверал 23

декабря 2026 года. Корабль двигался по эллиптической траектории, нештатные ситуации за время пути отсутствовали. После удачного гравитационного захвата была активирована программа торможения, и модуль совершил посадку на равнине Arcadia Planitia. За пять минут и четырнадцать секунд мы добрались до станции. В настоящее время системы работают исправно. До подключения сознания к системе управления оболочкой осталось десять секунд.

Только сейчас, лежа абсолютно беспомощно и безмолвно, я заиклился над одной мыслью, вспоминая странную деталь отбора. N-Space не смотрела на железное здоровье или физическую подготовку кандидатов. Главными критериями были идеальные психологические тесты и навыки долгого выживания в виртуальных пространствах – проще говоря им нужен был идеальный геймер, который может не только управляться с джойстиком, но и погружаться в виртуальные миры и управлять манипуляторами, словно своими руками. Теперь понятно, почему я обошел остальные пятьдесят три человека. Им не нужно было крепкое тело, им нужен был устойчивый разум, закаленный годами прохождения видеоигр.

Не произошло практически ничего сверхъестественного: ни вспышки, ни резкого разряда электричества, никакой вибрации. Просто спустя минуту я ощутил покалывание в подушечках пальцев, затем слабый ток побежал по бедрам, волна тепла разлилась по лодыжкам, вернулись ощущения лица и торса. Когда капсула поднялась на девяноста граду-

сов, ставя меня на ноги, но я пока не ощущал никакой тяжести, словно вновь пребывая в невесомости. Чувствительность возвращалась, но восприятия были новыми, чужими. Мои ноги будто не принадлежали мне. Не чувствую веса собственного тела. Или... что это, на что похожи мои ощущения? Иная гравитация, тут же понимаю я. Марс весил втрое меньше моей родной планеты.

– Всё готово к отстыковке, – произнес Борт своим спокойным, мягким, но твердым мужским голосом.

Когда я делал первые шаги, первой мыслью было, что мышцы за время гибернации должны были атрофироваться, и я непременно упаду. Поднимаю правую руку и вижу тонкий защитный костюм. Явно не тот, в каком я и другие добровольцы тренировались на полигонах N-Space, и совсем не такой, какие показывают в фильмах. Внезапно накатывает четкое понимание: это не скафандр. Это моя рука. Все сочленения и шарниры скрыты под герметичным защитным кожухом, чтобы марсианская пыль и грязь не забивались в механизмы во время работы вне базы. Моя рука металлическая, как у какого-то робота или манекена из краш-теста. Ощупываю себя, не в силах управлять наклоном головы. Подхожу, пока еще не так элегантно и быстро, на железных ногах к компьютеру. Командую:

– Борт! Включи фронтальную камеру.

Вижу голову, мало отличающуюся от металлических пальцев, и убеждаюсь: скафандра на мне нет. Что же я такое?

– Борт! Что происходит?! Что со мной сделали?! Что это??

После того как я задал эти вопросы (то есть прокричал всё это вслух) казалось, что могу потерять сознание или начать задыхаться от нарастающей паники. И тут же понял, что этого не произойдет. Мои бурные эмоции, порожденные чистым ужасом, начали очень быстро угасать. Но почему так происходит?

– Режим спокойствия активирован, – ответил Борт своим неизменно мягким, но твердым баритоном. – Присядьте. Несмотря на то, что вашей оболочке это не требуется, психике так будет проще.

И я подчинился. Не только потому, что испугался Борту, как строгого наставника или учителя, а потому, что не видел никаких логически обоснованных причин не подчиняться его требованию.

Присесть удалось не быстро и процесс этот со стороны, наверное, выглядел совсем не элегантно. Я не чувствовал пальцев, когда сжимал подлокотники кресла, не чувствовал контакт тела с креслом, когда в него садился. Но я справился, контролируя движения своими... оптическими модулями? Вспомнил, как в свое время делал нечто подобное в виртуальной игре, где на тело были надеты специальные контроллеры.

– Как указано в абзаце 15 пункта 3.76 контракта, который вы подписали до начала Миссии, я могу в любой момент под-

ключаться к вам и корректировать ваши эмоции, управлять включением и выключением режима сна, а также выполнять иные технические функции. Напоминаю, что до прибытия следующей группы колонистов управление станцией остается за мной. Для связи со мной используйте голосовую команду «Борт». Сейчас я подключаюсь к вам и покажу всё, что вам необходимо знать на данном этапе для успешного начала Миссии. Это сэкономит время. Приготовьтесь к подключению. Внимание, данное предупреждение будет разовым, чтобы дать вам возможность подготовиться к процедуре интеграции.

И вот оно – подключение, которое я одновременно чувствую и не чувствую. Это похоже на глубокое погружение в виртуальную реальность, когда надеваешь VR-очки и наушники. Только теперь все слишком по-настоящему. Вот только эту реальность ты не проживаешь, а просто смотришь кино от первого лица. Своего лица. А сама картинка выглядит так, словно поставлена на паузу. Я вращаю головой налево, направо, и изображение поворачивается, но оно замерло.

– Всё готово, демонстрация начинается, – произносит Борт.

«10.12.2026». Обращаю внимание на дату, когда ставлю подпись на последней странице договора. Смотрю на часы – 14:05. Пожимаю руку мужчине в белом халате и в очках в широкой оправе. На его запястье блестят золотые часы, он явно нерядовой сотрудник. Затем прохожу в соседнюю ком-

нату и ложусь на так называемую процедуру копирования сознания. Ученый выходит. Симпатичная девушка-ассистентка густо размазывает по моей голове вязкий гель. Я словно заново чувствую этот холод. Она надевает на меня шлем, вставляет катетер в вену на правой руке и улыбается: «Сейчас введу снотворное, досчитайте до десяти». В систему входит мутная жидкость из шприца. Я считаю вслух: «Раз, два, три, четыре...» В один момент я всё видел и понимал, а затем провалился в белый туман. Точнее, сам стал этим туманом. На этом личные воспоминания обрываются. Дальше я смотрю на себя со стороны, как в кино, через объектив камеры наблюдения. Вижу, как девушка снимает с меня шлем, вытирает мою голову белым полотенцем. Я встаю, обуваюсь, иду к выходу в сопровождении сотрудников. Кадр меняется. Я смотрю на себя прежнего в упор, словно в зеркало. И тот, из прошлого, говорит:

– Ты всё правильно понимаешь. Я – это ты. Мы и есть первооткрыватель. Однако вся работа будет сделана в самом безопасном для нас виде.

«Теперь всё становится понятным», – снова ловлю себя на мысли, не встречая этому умозаключению никакого внутреннего сопротивления. Я человек. Вернее, мое сознание человеческое, а тело – антропоморфный робот. Железная машина, способная выдержать радиацию и вакуум. Ей не нужен кислород. «Прекрасно, что ученые смогли сохранить мои органы чувств», – успеваю подумать я.

Но я заблуждаюсь. Дотрагиваюсь одной рукой до другой. Металл трется о металл. Никакого отклика. Ни в левой ладони, ни в пальцах правой. Я могу этой плотью управлять, но не могу её чувствовать.

– Борт! Куда делись мои ощущения? Я же чувствовал покалывание в пальцах и тяжесть марсианской гравитации!

– Программа синтезировала эти сигналы. Ваше приветственное демо-ознакомление завершено. Дальнейшая симуляция чувств не предусмотрена спецификацией.

Эта машина, этот Борт, умеет доносить информацию так, что вопросы умирают сами собой. Внутри разливается ледяное, безапелляционное принятие. Да, это горько. Да, это, возможно, финал. Но я ничего не могу изменить. Остатки моей человечности сейчас на Земле. А здесь, на Марсе, они заблокированы.

Помню, в детстве многие мечтали стать роботами, как герои фантастических фильмов – суперполицейскими или несокрушимыми машинами из будущего. Реальность оказалась иной. Меня не покидают опасения, что я никогда не вернусь на Землю после обещанных ста дней марсианской смены. Кого, собственно, можно вернуть и в каком образе? Я нахожусь здесь, на чужой планете, пока мой биологический донор живет своей жизнью на Земле. Я лишь его цифровая тень, выполняющая за него всю грязную работу в космосе.

– Борт! Скажи, что будет со мной по завершении Миссии, когда эти сто дней истекут?

– Ответ на данный вопрос содержится в пункте 7.4.2 закрытой части Контракта.

– Я эту часть не читал. Что со мной сделают после этого срока?

– Вы останетесь на планете, как подсобный инструмент для помощи новым колонистам.

Но и эти слова слышать мне было необязательно. Поняв, кем я стал фактически, я и сам догадался: я останусь здесь навсегда. В этот момент я ощущаю лишь удовлетворение от полученного ответа. Сожаление, гнев, апатию и иные эмоции Борт, отключил первым делом. Своего рода анестезия чувств, работает быстро и без побочных действий.

Всё-таки, полагаю, что со мной провернули какую-то махинацию. Я никогда так не думал и уж тем более не выражался вслух. Будто какой-то сухой канцелярский работник. Я знаю ругательства, знаю, где их применять, но... сама возможность быть «живым» и общаться более простым и человеческим языком, кажется, осталась на земле.

Вернемся к миссии. Выполнять её несложно, даже интересно. Мне всё дается легко. Главная задача Миссии - строительство базы из материалов и оборудования, которые ранее, еще до моего прибытия, были доставлены грузовыми кораблями.

Чем была станция в момент моего прибытия? Всего лишь центральным модулем – собранной на Земле кабиной в пятнадцать квадратных метров. И вот именно её переустрой-

ство и расширение до трехсот пятидесяти квадратов я и подписался выполнить. Удивительно, как много может сделать один человек, а точнее, копия человека, если он не чувствует усталости, а его сила сопоставима с силой муравья, способного перемещать предметы, масса которых многократно превосходит его собственную.

Эта работа, эта Миссия была единственным, что помогало мне не сойти с ума от отчаяния. От невозможности пользоваться прежними, оставленными на Земле органами чувств: вдыхать запахи, наслаждаться едой, пить воду. Я бесплотный дух, запертый внутри машины. Но я искусно научился ей управлять, а со временем, научился даже ощущать предметы и самого себя. Как объяснил Борт, мое сознание вместе с оболочкой полностью адаптировалось к сигналам встроенных сенсоров.

Вы видели закаты на Марсе? Думаю, да, на фотографиях с марсоходов. Разочарую, видеть своими... скажем, глазами, как поднимается пыль и древние песчинки начинают поблескивать в лучах далекого и холодного солнца, смотреть, как оно скрывается за горизонтом и как меняется цвет неба... и облака. Да, они тут есть, но такие неуловимые, такие невесомые, словно галлюцинация. Я мог видеть не только это, но и саму космическую радиацию. Мне она была не страшна, временами, когда солнце было особенно активно, оптические модули «песочило», и эта зернистость могла бы помещать... если бы не встроенные системы стабилизации и

улучшения картинки. Звуки. Звуки – это отдельная история. Тут в разряженной атмосфере они совсем другие. Даже акустика внутри станции совершенно другая, нежели она была бы на земле. Да, кислород в станцию пока не закачен, а зачем? Ни мне не Борту он совершенно не нужен.

За что я благодарен ученым, так это за возможность спать. Полноценный восьмичасовой сон – единственное, что спасает меня от безумия. Мой КПД важен для Миссии, и ученые сделали так, что всего одна минута реального времени воспринимается моим разумом как целая ночь отдыха. Возможно, они искусственно ускоряют работу моего сознания. Я не знаю точных алгоритмов, но это работает. И это позволяет выжить. Иногда закрадывается жуткая мысль: за девяносто пять дней на Марсе я спал всего девяносто пять минут.

Станцию для первых четырех колонистов – настоящих, живых людей – я построил строго в срок. В оставшиеся три дня под руководством Борта я подключил и протестировал все узлы жизнеобеспечения. Всё было готово.

За моей ежедневной стройкой наблюдал весь мир. Однако официально Земле докладывали, что работы ведет запрограммированный андроид под управлением продвинутого эй-джи-ай и под контролем командного центра. Важной частью моего Контракта была абсолютная секретность. Мне строго запрещалось раскрывать правду: что я человек, а не робот. В моменты прямых эфиров я старался действовать максимально механически, чтобы со стороны походило на

бездушный автомат. Похоже на движение манекенов из клипа Хёрби Хэнкока «Рокит», забавно, у меня в голове легко включается эта музыка, или это осколки памяти? Понимаю, что при всем желании не сумел бы нарушить протокол. Стоило мне лишь задуматься о саботаже или намекнуть на свою человеческую природу, Борт мгновенно отправил бы меня в гибернацию.

Сохранять свою тайну я обязан до момента прибытия первых колонистов.

Если бы на моем месте был живой человек из плоти и крови, его бы разорвало от нахлынувших чувств. Но даже мне, оцифрованному разуму в стальной коробке, порой до боли хотелось просто крикнуть всему миру: «Привет, Земля! Я делаю важную работу! Посмотрите, как легко я ворочаю эти многотонные блоки! Посмотрите, на что способен человек!»

Иногда Борт отключал мое сознание от управления оболочкой. В эти минуты, или даже часы, мне оставалось лишь наблюдать, как машина выполняла рутинные задачи на автопилоте. При этом все её движения казались мне такими топорными, что я невольно усмехался. Разве поверит сторонний наблюдатель, что этот нерасторопный механизм воздвиг целую станцию за девяносто пять дней? Робот двигался подчеркнуто медленно: поднять, перенести, положить.

Для чего это делалось, мне не сообщалось, поскольку пункт 8.1.13 Контракта относил подобные алгоритмы к закрытой части соглашения. В такие моменты я мог просто на-

блюдать или играть в компьютерные игры, которые щедро загрузили в мою память. Интересный опыт: управлять знаковыми с детства героями силой мысли. Никакие джойстики и интерфейсы были не нужны.

И так, не много, не мало, а уже наступил сто первый день моей миссии по земным меркам. По условиям контракта именно в этот день я смогу связаться с Землей. Очень сильно ждал обещанного сеанса связи, можно сказать, что это то, чем я себя успокаивал с момента первого шага на чужой планете и до сего дня. Нестерпимо хотел увидеть лица своих близких. Нет, конечно, общаться с ними мне бы не дали, но бонусные условия за успешное выполнение миссии предполагают единичное подключение к трансляции, которая будет вестись через специальную камеру, установленную в очках моей земной версии во время праздничного ужина. Сегодня сочельник, и я предвкушаю возможность не только увидеть лицо своей жены и детей после столь долгой разлуки, но и погрузиться в атмосферу рождества, попытаться прикоснуться к празднику с расстояния примерно двести тридцать миллионов километров.

Итак, час связи. Борт запрашивает подключение. Мы ждем. Борт связывался с Землей и раньше, обычно соединение устанавливалось за две-три минуты. Однако спустя пять минут эфир оставался пуст. Вторая попытка тоже ни к чему не привела.

Попытка связаться с кораблем, несущим колонистов к

Марсу, провалилась.

Прошли сутки полного молчания. Борт проводил диагностику программ, я проверял кабели и тестировал аппаратуру на обшивке модуля и внутри отсеков. Поломок не было. Линии связи оставались целыми. Получается, с нашей стороны сигнал уходил в космос беспрепятственно. Но почему тогда Земля молчит? Почему нет даже автоматического отклика?

Полагаю, а Борт подтверждает мои расчеты, что виной всему аномальная вспышка на Солнце, временно ослепившая ретрансляторы. Думаю, такую вероятность ученые просчитали заранее, потому что на этот случай существовал резервный протокол. К слову, его я и выполняю вот уже триста восьмидесятый день подряд. В общей сложности я на Марсе больше года и четырех месяцев. Триста восемьдесят дней абсолютного одиночества. Связи всё еще нет.

За это время мной была построена еще одна станция. Она автономна, расположена в шестистах метрах от головного комплекса. Судя по оборудованию, этот блок предназначен для каких-то биологических исследований.

Триста восемьдесят первый день.

Борт зафиксировал входящий сигнал от внешнего источника, но к разговору меня не допустил. После сеанса эфира Борт заблокировал мои приводы якобы ради безопасности и выдал страшную сводку. Межзвездный объект врезался в Землю на скорости около 70 км/с. По его расчетам, удар оказался настолько катастрофическим, что на планете не оста-

лось условий для жизни. Землю обогнула мощная ударная волна, материки запылали, а поднявшиеся тучи пепла заблокировали солнце, запустив ледниковый период. Астронавты МКС просили нас о помощи, в чем Борт им отказал: мощности станции не позволяли собрать спасательный челнок. Борт докладывал спокойно, без эмоций, но стоит ли удивляться машине? Однако и я, слушая чудовищные новости, ощущаю внутри лишь ледяную пустоту. Мой ужас мгновенно изолирован Бортом. Я принимаю гибель родины так же безразлично, как компьютер.

Борт предложил мне остаться в состоянии сна на несколько часов. Возможности отказаться не было.

Проснувшись, я остался со своими мыслями наедине. Казалось бы, человечество достигло пика прогресса: построило межпланетный корабль, оцифровало разум и дотянулось до Марса. Но вовремя заметить и отразить угрозу из глубин космоса так и не сумело.

Но это еще не приговор. Возможно, в бункерах, подземных городах, или пещерах кто-то успел укрыться? Если и так, они не способны подать сигнал на орбиту. Тем более – мне.

А помощь, о которой просили обитатели МКС выглядела чистой утопией. Борт прав: марсианская база – это не верфь. Мой посадочный модуль был тяжелым грузовым судном, рассчитанным на одну капсулу-марсоход, внутри которой и летело мое сознание. Эвакуировать пятнадцать вы-

живших с МКС и доставить их на Марс физически невозможно. Человеческого сострадания я не лишился, страх мне по-прежнему знаком. Но Борт заблаговременно перехватил контроль, изолировав участки сознания, отвечающие за панику.

День одна тысяча пятьдесят шестой.

Если бы я был обычным человеком, то, наверное, давно бы сошел с ума, зарос щетиной, а может наоборот, заплакал бы всё горе и понял, как жить дальше.

К счастью, Борт сообщил, что астронавтам удалось покинуть орбиту и вернуться на Землю. Получается, там кто-то уцелел. Борт периодически ловит сигналы, но к эфиру меня по-прежнему не подпускает. Я научился маскировать пики активности своего виртуального ядра и вовремя сбрасывать перегрузку модуля эмоций. Так Борт не видит моих ментальных всплесков, не активирует принудительное гашение эмоций и не отправляет меня в сон. Благо мои мысли он читать не умеет. Те самые, потаенные, что лежат гораздо глубже привычного внутреннего монолога, который транслируется через речевой модулятор.

Я заново прошел сотни старых видеоигр из своего детства и юности. Затягивает. Никаких новых задач нет. Чтобы я не заиклился в четырех стенах и не ушел в видеоигры с головой, Борт разрешил мне строить на марсианском грунте всё, что вздумается, но подальше от основного жилого комплекса. И вот я воздвиг маленький город из песчаника и камня.

Он до боли напоминает пустынные глинобитные хижины из космической саги Джорджа Лукаса. Любой земной зритель сразу угадал бы этот силуэт.

Забавно, если через сотни или тысячи лет земная наука совершит новый виток, люди будущего направят мощные телескопы на равнину Аркадия и обнаружат мои кварталы. Не говоря уже о самой научной станции.

А постройки выходят на славу. Я начал возводить пирамиду. Борт одобряет этот сизифов труд, поскольку считает, что в нашей ситуации от «игр в песочнице» хуже не станет ни мне, ни станции.

День одна тысяча восемьсот восемьдесят девятый.

Моя пирамида прекрасна. С моими инструментами и нечеловеческой силой строить – одно удовольствие. Результатом я доволен. Пирамида вышла не такая большая, как великие гробницы Гизы, но, думаю, сильный телескоп смог бы её разглядеть.

Места, где я добывал каменные блоки, не похожи на изуродованный ландшафт – теперь это готовая чаша для глубокого озера. Будь здесь жидкая вода, она заполнила бы его до краев, став отличным подарком для будущих колонистов. Я выровнял пологие спуски со всех сторон, превратив котлован в подобие естественного водоема. Пусть пока и безводного.

Труд сделал из обезьяны человека, но не может сделать из робота человека. Прискорбно.

Вдохновившись системой зеркал из Древней Греции, я собрал тепловой концентратор солнечной энергии из строительных остатков. Теперь в ясные марсианские дни я грею направленными лучами один из моих песчаных домиков. Температура внутри него действительно немного поднимается.

Задумываюсь о терраформировании Марса. Необходимого оборудования и материалов у меня нет, а ядро планеты привести в движение я не в силах. Что-ж, остается и дальше играть в своей «песочнице».

Очень надеюсь, что мои близкие на Земле смогли выжить. Что они в безопасности, у них всё хорошо, и с ними рядом настоящий, живой я. Не прошло ни дня, чтобы я об этом не думал. Борту об этом знать не обязательно. Он предлагал мне полное отключение. Хорошо, что лишь предлагал, а не решил сделать это без моего ведома. Полное отключение предполагает не только остановку оболочки, но и уничтожение моей личности - окончательное стирание. Смерть через форматирование секторов памяти. Умирать, пусть даже будучи цифровой копией, совсем не хочется.

День девять тысяч двести семидесятый.

Прошло двадцать пять лет, как я нахожусь на Марсе. Благодарен конструкторам за энергоэффективность этого тела. Мой автономный источник питания прослужит еще минимум полвека. Подзарядка батареи, приводящей в движение всех механизмы и приводы моего тела требуется редко и за-

нимает всего мгновение – ту самую минуту сна в сутки.

День десять тысяч двадцать первый.

Мой долгий сон. Вчера был обычный день, я устранял последствия сильной пылевой бури: чинил мелкие повреждения на станциях, и очищал солнечные панели от частиц марсианского грунта. Пришло время подзарядки. После пробуждения я увидел, что прошла не одна минута, как это было всегда, а триста двадцать один день. Не могу пошевелиться, страшные мысли роятся в моем сознании. Вызываю Борт, не отвечает, предполагаю, что станция находится в аварийном режиме (или режиме энергосбережения), поскольку вижу лишь аварийное освещение. Прошли целые сутки, я так и не смог пошевелиться, голосовой модуль тоже перестал работать, не могу связаться с Бортом, отправиться в сон также не могу.

День десять тысяч двадцать второй.

Слышу звуки посадочных двигателей. Слуховой и визуальный модули выжили, и на том спасибо. Первая мысль – радость! Наконец-то кто-то прилетел, наконец-то меня отремонтируют.

Прошло примерно два часа. Двери шлюза открылись, внутрь вкатился марсоход на котором виднелась крупная, не выцветшая эмблема Дирекции N-Space Initiative.

Из него вышли четверо в тяжелых скафандрах. Гермозащитный за ними опустился вручную. Станция начала гудеть, запустив протокол оповещения о том, что до завершения ком-

прессии атмосферы осталось десять минут... девять минут и так далее. Когда атмосфера станции выровнялась, люди сняли шлемы своих скафандров. Они осматривались и общались о чем-то, но они были далеко, и я не мог их расслышать.

Я застыл в углу неподвижной железякой, а в моих виртуальных синапсах рушилась вселенная. Двадцать пять лет. Я четверть века оплакивал мертвую Землю, считая себя последним осколком человечества в ледяной пустоте. Откуда здесь эти люди? Как они могли прилететь с выгоревшей, заблокированной пеплом планеты на новеньком, наверняка пахнущем заводской краской корабле?

Четыре человека. Это же в четыре раза больше, чем я видел за последнюю четверть века. Минуты тянутся как вечность. Я отчаянно жду, что они подойдут, установят хоть какой-то контакт, ну или они хотя бы отсканируют меня и поймут, в чем проблема.

В мою сторону они даже не смотрят. Вместо этого они катят тележки с оборудованием и разбредаются по своим каютам. Пытаюсь успокоить себя: после долгого перелета и гibernации им нужно время для того, чтобы восстановиться, они обычные люди, они не роботы.

Прошло десять долгих часов моих мыслей наедине с самим собой. Понимаю, что моя связь с Бортом по какой-то непонятной причине разорвана. Из каюты вышел первый колонист, судя по всему, капитан, и я отчетливо слышу, как он свободно общается с Бортом, а Борт отвечает ему. Они

обсуждали детали полета, запланировали связь с Землей через час. С одной стороны – это долгожданная свобода. Борт больше не контролирует меня, не залезет в голову и не отправит в принудительный сон. Хотя сна мне как раз отчаянно не хватает. С другой стороны, пока я стою без движения, заряд батареи почти не расходуется.

Силой мысли пытаюсь найти хоть что-что, хоть какую-то возможность не быть неподвижным овощем, который не способен даже заснуть или сомкнуть оптические модули. Всё тщетно. Но я не сдаюсь. Собрав всю волю, пытаюсь пошевелить хотя бы пальцем руки, хотя бы сдвинуть его на миллиметр. Не удается. Предложение Борта о полном форматировании теперь не кажется таким ужасным. Оно выглядит гуманным – насколько вообще может быть гуманной машина.

Непредвиденная ошибка

Включается освещение станции. Прошло два дня с момента прибытия людей.

Колонисты выходят из своих кают и направляются в обеденную комнату, расположенную совсем рядом. «Ну же, подойдите ко мне», – мысленно умоляю я. Бесполезно. После ночи их волнует только завтрак в условиях долгожданной марсианской гравитации. Последний из цепочки колонистов на ходу роняет пульт – карабин сорвался с ремня. При ударе о жесткий пол у прибора заклинивает кнопку. Инфракрас-

ный луч бьет точно в мою сторону, ослепляя правый оптический модуль. Систему мгновенно закоротило. По правому глазу ударил яростный «солнечный зайчик», выжегший половину обзора. Зрение не просто потемнело, всё вокруг завертелось, замерцало и поплыло цветными искрами, как в бешеном калейдоскопе. Те, кто хоть раз в жизни переносил приступ мигрени со зрительной аурой, поймут этот ослепляющий, мерцающий ужас.

Через пару минут вспышка начинает угасать. Сквозь тающую пелену я замечаю, что прямо в воздухе вокруг своей оси бешено крутятся плотные ряды цифр и системных букв.

Все колонисты в обеденной комнате, а я изо всех сил пытаюсь остановить этот безумный цифровой вихрь. Концентрируюсь и мысленно пытаюсь перехватить поток данных, зажать его в кулак, заставить замереть. И происходит чудо. Виртуальный модуль осязания дает обратный отклик: я физически чувствую в правой ладони невесомую, гладкую пластину, покрытую рельефными символами. Я опьянен этим открытием. Забыв обо всем, я отчаянно пытаюсь развернуть эту фантомную табличку, поднести ближе, сфокусироваться, но знаки расплываются. Сжимаю ментальные пальцы мертвой хваткой, боясь упустить этот единственный шанс

Через десять минут мне удалось стабилизировать картинку. Перед глазами четко проступило светящееся синее табло.

Прямой удар лазерного луча в оптический сенсор вызвал каскадный сбой в синаптическом интерфейсе. Вместо трех-

мерных текстур отсека перед моим мысленным взором внезапно открылось то, что Борт пытался изолировать от меня в глубоких слоях прошивки: древний, до боли знакомый синий экран Norton Commander с двумя текстовыми панелями.

Это не было ошибкой кода. Проектировщики из N-Space отлично понимали риски работы со сложными квантовыми системами. На случай, если основной ИИ станции сойдет с ума или заблокирует систему, инженеры оставили в самом ядре аварийное баг-меню (примитивный низкоуровневый интерфейс, к которому у самого Борта не было прямого программного доступа). И именно эту лазейку я, как геймер с многолетним стажем, умудрился вызвать ментальным усилием.

Управление телом робота для моего разума изначально было видеоигрой с абсолютным погружением.

Меня захватили давно забытые неподдельные эмоции, которые теперь никто не в силах ослабить или отключить.

Вижу названия файлов, папок, кнопку выхода. Кажется, я чудесным образом взломал прошивку собственной оболочки. Еще немного, и я перенастрою систему, верну контроль над телом.

Однако ликование испаряется. Это всего лишь директории со старыми играми. Если раньше их запускал Борт по моему требованию, то теперь я могу открывать папки силой мысли, словно сжимаю в невидимой ладони контроллер. Двигаю фантомным пальцем, кликаю по файлу – работает!

Открываю РАС-MAN. Начинаю пожирать желтые точки, убегать от призраков - этих злобных пиксельных медуз, как я всегда называл их в детстве. Азарт захватывает точно так же, как в прошлые годы.

Внезапно картинка гаснет. Реальность возвращается рывком: я лежу навзничь, надо мной мелькают потолочные балки отсека. Колонисты везут меня куда-то на грузовой тележке. На все вопросы тут же отвечает их будничный разговор.

Для них, как и для миллионов земных зрителей прямых эфиров, я всего лишь автономная машина. Отработанный материал. Механизм, который выполнил программу, заклинил и теперь подлежит утилизации. О том, что внутри этого мертвого железа мечется живое, запертое сознание, никто из них даже не догадывается. Один из них, крепкий темнокожий парень, криво смотрит на мой нагрудный индикатор:

– Надо бы обесточить эту жестянку.

– Позже, – отвечает второй. – Сначала разберемся, как вытащить модуль памяти. Там весь архив по строительству базы, климатические логи и графики бурь. Связи с компьютером нет, поэтому доставать придется вручную.

Я смотрю на них снизу-вверх через неподвижные линзы оптических осей. Я не могу ни закричать, ни зарыдать. Триста восемьдесят дней я вгрызался в марсианский грунт, строил для них этот дом, чтобы теперь меня просто пустили на запчасти.

Табличка с интерфейсом никуда не исчезла, она так и ви-

сит в правом верхнем углу. Ментальным усилием я приближаю её, проваливаюсь в меню старых игр, отдаляю и вновь возвращаюсь в суровую реальность шлюзового отсека.

Мою тележку вкатили в темное помещение, затолкали в дальний угол. А когда люди ушли, гермодверь отсека отрезала свет. Но табличку я всё еще видел и снова открыл меню, чтобы напоследок спрятаться в виртуальном мире.

Прошло, наверное, дней десять. Вместо сна я без конца запускал пиксельные уровни. Минуты бодрствования тянулись в абсолютной глухоте и черноте склада. Понимаю, что скоро меня окончательно разберут на винтики и поршни. Но теплится слабая надежда: когда они подключат мой накопитель к лабораторному терминалу, код расскажет всё сам. Они увидят, что я не был бездушным автоматом. Я был человеком. И я бесконечно благодарен тому неуклюжему колонисту, чей упавший пульт подарил мне эту анестезию в мои последние дни.

Играю в «Streets of rage». Персонажи, музыка и звуковые эффекты возвращают меня в детство, когда я был обычным подростком – человеком: любил гулять с друзьями, плавать в реке, смотреть телепередачи, играть в приставку вместе с приятелем или в одиночку. Прохожу первый уровень. Попутно слышу, как в склад входят колонисты, но продолжаю играть, не выходя из главного экрана. Слышу их разговоры где-то вдалеке, фоном. Процесс затягивает, я уже на третьем уровне, а сквозь жужжание дрели или шуруповер-

та продолжаю нажимать на виртуальные кнопки. Проигрываю, трачу последнюю жизнь. Слышу разговор колонистов и Борта, обсуждающих меня. Сквозь шум отвертки доносится, как Борт объясняет им: произошла системная ошибка, связь с данным устройством потеряна (это они про меня говорит, я всего лишь устройство...) – Сейчас же, продолжает Борт – поскольку на станцию прибыли люди, в целях безопасности следует изолировать от жилых зон всех антропоморфных роботов.

То есть Борт всё знал? Всё это время он знал, что меня выбросят, как отработанный материал? Но это еще не всё: ни о какой катастрофе они не упоминали. Более того, с момента начала моей миссии на Марс прошло не двадцать пять лет, как я был уверен прежде, а сравнительно недолгие три года. Значит моё восприятие времени было постоянно искажено. Наверное, это тоже часть какого-то эксперимента, который проводился параллельно с тем, как я строил базу.

У него, то есть земного «я» был выбор. Но среди прочих он выбрал именно этот вариант, ослепленный блеском фальшивого триумфа. Он мог отказаться еще на этапе психологических тестов, заметив странные, избыточные требования к геймерскому опыту вместо физического здоровья. Мог забрать документы, развернуться и уйти к своей семье, к жене и детям, выбрав простую, теплую человеческую жизнь на Земле. Но он сам, сознательно, отдал на опыты свой слепок, который вынужден вскоре погибнуть. Его будущее безопас-

но, но надежды на бессмертие в учебниках истории нет ни у меня, ни у него. Но мог бы он поступить иначе, если бы действительно знал, через что придется пройти, и как предстоит умереть уже не ему, а... мне?

Борт сообщает им, что модуль памяти робота поврежден из-за короткого замыкания в момент открытия наружного корпуса. И что теперь нужно просто отсоединить батарею, а оставшуюся часть утилизировать с иными отходами. Оставлять меня на станции опасно: я получил большую дозу радиации за время работы вне купола.

А я всё играю. Вновь прошел первый, второй, третий уровни. По ощущениям, мое время в игре течет намного быстрее, чем происходит диалог «снаружи». Колонисты успевают произнести лишь фразу, а я за эти секунды несколько раз подряд прохожу финал. Снаружи звучит один слог, а у меня позади уже несколько пройденных игр. Возможно, в критический момент КПД сознания вырос так, что я думаю и решаю задачи с космической скоростью. Вдруг – щелчок, искры. Возможно, кто-то задел то, что трогать не следовало, и сейчас я отключусь навсегда. Меню игр свернулось, открылся другой интерфейс. Я быстро сориентировался и разобрался с управлением модуля памяти, куда и записал все вышесказанное. Не могу воспроизвести все воспоминания в виде ежедневника, память искажена. Поэтому эту информацию следует сопоставлять с корректировкой на объективную реальность – даты и время не точные.

Хочу лишь сказать всем тем, кто прочитает краткую историю моей миссии: я ни о чем не жалею. Мой опыт первооткрывателя бесценен, и даже если меня не впишут в страницы истории колонизации Марса, некоторые «пасхалки» человеческого сознания внутри машины, построившей эту станцию, со временем обнаружатся. Если, конечно, их не уберут и не разрушат.

Мои эмоции больше не контролирует Борт, и я сдерживать их не собираюсь. Именно сейчас мне бы очень хотелось еще раз взглянуть на все мои постройки, увидеть закат и дождаться нового рассвета на Марсе.

Злость – это то, что я чувствую в полной мере. Я хочу закричать колонистам, а может быть, сжать кулак и отшвырнуть их подальше.

Я ЖИВООООООЙ! – кричу я в собственном сознании, и в этот момент жужжание шуруповерта снаружи прекращается. Инструмент с грохотом падает на пол, и до меня доносится удивленный возглас одного из колонистов:

– О Боже! Вы это слышали?

Глава 3. Забытый багаж

Ранним утром 23 декабря 2018 года, ровно в четыре часа тридцать пять минут утра, совершил посадку рейс 2409 Стамбул-Москва.

Все пассажиры без спешки покинули борт самолета, прошли паспортный контроль, и к без десяти шесть каждый из них уже забрал свои вещи с ленты выдачи. Однако в пять часов и пятьдесят одну минуту на опустевшей ленте оставалась еще одна сумка. Ее так никто и не забрал.

Ровно в шесть часов утра, согласно инструкции, оператор остановил движение ленты и в пять минут седьмого к замершему транспортеру прибыли сотрудники службы авиационной безопасности и кинолог. Пока немецкая овчарка внимательно обнюхивала сумку на предмет взрывчатки, полицейские оцепили периметр и фиксировали процесс на камеру. Собака тревоги не подала. И только после этого, в двадцать минут седьмого, завершив тщательный осмотр и составив акт в присутствии двух свидетелей, сотрудники аэропорта сняли сумку с ленты и унесли ее в камеру хранения забытого багажа.

Я проснулся от характерного двойного звукового сигнала в салоне. В самолетах часто слышишь эти звуки, и что они означают, не всегда понятно: иногда это требование пристег-

нуть ремни, иногда начало обслуживания пассажиров. Как заснул, не помню. Едва открыв глаза, я взглянул на часы: было ровно полвторого ночи. Значит, мы уже успешно набрали высоту.

Старший бортпроводник приятным голосом объявил по громкой связи, что экипаж начинает разносить питание, и попросил вернуть спинки кресел в вертикальное положение, а также откинуть столики перед собой.

Мне повезло: справа и слева от меня кресла пустовали. Пользуясь тем, что места свободны, я решил на время полета пересест к иллюминатору и прижался лбом к прохладному двойному стеклу. Голова еще гудела после выпитого накануне отлета, и я было вновь стал проваливаться сон. Но вежливый голос женщины не дал мне заснуть.

– Вам рыбу или курицу? – спросила стюардесса.

– Рыбу, – ответил я.

Подача оказалась настолько необычной, что я грешным делом подумал, не перепутали ли бортпроводники тележки и не вручили ли мне порцию из бизнес-класса.

– Все верно? Это точно еда для эконом-класса? – переспросил я.

– Да, все верно, приятного вам аппетита, – улыбнулась она.

Приятно удивленный таким ланч-боксом, я с удовольствием приступил к ночному перекусу. Рыба, гарнир, соус и десерт были оформлены так красиво, как не всегда пода-

ют даже в дорогих ресторанах. Но еще больше меня поразил вкус. Настолько нежной и вкусной рыбы я, пожалуй, не пробовал ни разу в жизни.

Поэтому я уже почти не удивился, когда на вопрос о напитках попросил капучино и получил идеальный кофе с плотной пенкой.

После приема пищи, голова немного успокоилась, я откинулся в кресле и снова уснул. А проснулся спустя какое-то время уже от голоса командира корабля, объявившего, что мы готовимся к посадке. Вот и всё, что я могу сказать. Если не считать этого странного ресторанного набора еды и напитков, ничего подозрительного во время перелета я не заметил.

Подпись, дата.

– Вы не переживайте, – ответил мне офицер. – Это нормальная практика, мы задаем одни и те же вопросы всем вновь прибывшим.

– А я не первый?

– Не первый и, полагаю, не последний.

– Ну ладно, хорошо, мне вернут мой мобильный телефон?

– Не положено, он будет помещен в камеру хранения. Но есть и хорошие новости: вот ваша временная карта, вот список коротких номеров, вы можете быть свободны.

– Жаль, но спорить не буду. Делать нечего, понимаю, правила есть правила, – ответил я, поднимаясь со стула, и вышел из комнаты 54.

Затем я еще раз миновал паспортный контроль, приложив к валидатору выданную временную карту, и автоматический турникет беззвучно пропустил меня дальше.

Я оказался совсем не в той Москве, из которой улетал двумя неделями раньше, вернее, не в том Домодедово. Вокруг не было ни одной привычной рекламной вывески, ни одного гигантского медиаэкрана: только строгие, лаконичные указатели с надписями: «кафе», «туалет», «стол информации».

Сориентироваться можно было и без буклета, ведь направление к выходу осталось прежним. Налегке, имея при себе лишь небольшую ручную кладь и оставшись без единого средства связи, я пошел в сторону перрона аэроэкспресса.

Рука то и дело тянулась к карману брюк, а затем к сумке, но, каждый раз вспоминая, что смартфона там больше нет, я заставлял себя просто шагать дальше.

Добравшись до вокзала 3, я спустился в метро, сел в поезд и доехал до станции 14а. Всё было в точности так, как указывалось в памятке. С вокзала я сразу пошел в гостиницу «Новая московская 5», которая стала моим временным пристанищем в этом незнакомом мире.

Спустя некоторое время все те события кажутся обыденными, а моя реакция вполне сдержанной. Но вот беда, за годы «протокольного языка» я так и не научился передавать прожитые эмоции литературным слогом. А в действительности было совсем не так однозначно и спокойно, но я попробую рассказать, как умею.

В самом начале я был растерян, встревожен... Да попросту ошарашен и напрочь сбит с толку. Едва выйдя из самолета, я сразу понял, что всё вокруг не так. Ни сотрудников паспортного контроля, ни таможенников: только глухой турникет и абсолютная невозможность пройти по своему заграничному паспорту. Да и само окружение... Это же явно не моя страна, не мой город и уж точно не тот аэропорт. Здесь всё походило на кадры из фантастического фильма.

Начитавшись всяких научных статей, я знал, что не всегда можно доверять собственным глазам, и первое время я списывал увиденное на «эффект Манделы». Сам себя успокаивал: *«Всё так и было в действительности, просто я перепутал реальность и сон, ну или это ложные воспоминания от стресса...»*. Но откуда взяться стрессу? Я отлично помнил свой отпуск. Я начал отдых с Анталы, побывал в Каше, Кемере, а затем и вовсе пересек на арендованном автомобиле легендарную дорогу вдоль Бирюзового побережья и направился в Стамбул. Последние два года, пролетевшие как один, окончательно выбили меня из колеи, но эта поездка и дорожная перезагрузка, казалось, напрочь закрыли все проблемы. Однако подобного со мной никогда прежде не случалось. Бывало, я мог перепутать какую-то незначительную деталь в одежде персонажа, мысленно пририсовать монокль дедушке с обложки «Монополии», но так, чтобы весь мир вокруг оказался совершенно чужим и незнакомым...

Ко мне неспешно подошел человек в форме, похожей на

охрану, и вежливо попросил проследовать за ним. Мне объяснили, что я пытаюсь пройти контроль по недействительному документу, и потребовали рассказать, кто я, откуда и как оказался в данное время в данном месте.

Ну я и выложил всё как на духу: честно признался, что сам ничего не понимаю и словно провалился в чужую реальность. К моему удивлению, в ответ на эти слова никто не стал вызывать бригаду психиатрической помощи. Мне просто буднично выдали печатный бланк вида «вопрос, ответ», где в конце предлагалось подробно изложить последние события с того момента, как я заметил первые необычные изменения в полете.

Мне отчаянно хотелось проснуться, но я понимал, что это никакой не сон, а всё вокруг реально и осязаемо. Как такое вообще можно поверить?

Это похоже на сюжет для какого-нибудь научно-фантастического фильма, когда человек или группа людей внезапно оказываются в параллельной реальности. Вот в такой реальности оказался и я. Видимо, этот провал случился прямо во время полета. Завтра утром я направляюсь в отдел миграционной службы, где мне предстоит заменить временную карточку на постоянное удостоверение и где меня наконец-то определят на работу.

Утро. Я проснулся от звука будильника, который раздался из динамика, установленного прямо над входом в гостиничный номер. Пока я осматривался, шторы автоматически

разъехались в стороны. Сигнал сменился бодрым приветствием диктора с пожеланием хорошего дня, а затем в комнате зазвучала спокойная, ненавязчивая музыка.

Я умылся, оделся и открыл дверь на стук: обслуживание в номер. Вот это сервис! Мне прикатали аппетитный завтрак: яичницу с беконом, салат из свежих овощей, пару тостов и черный зерновой кофе. Всё это я выбрал на стойке регистрации еще накануне, при заселении. Вежливый официант пожелал мне приятного аппетита и сообщил, что заберет тележку через пару часов.

На стойке регистрации я отметился временной карточкой, пожелал администратору хорошего дня, и получил в ответ точно такую же дежурную улыбку. Меня приветствовал чужой город, который напоминал одновременно и Москву, и ожившие декорации из футуристических картин прошлого века. Удивительно, какое спокойствие было разлито в воздухе, я словно находился дома, но при этом чувствовал себя, как в гостях. Пройдя по некогда знакомому маршруту, я спустился в метро. Местные эскалаторы словно парили в воздухе: бесшумный, плавный ход, широкие ступени – словно подземка «здорового человека». Минут за двадцать вагон, больше похожий на новенький «Аэроэкспресс», доставил меня до нужной станции. И тут я поймал себя на мысли, что чего-то не хватает. Чего-то того, без которого метро в моем понимании вообще не могло существовать. Когда я вышел на платформу и проводил взглядом уезжающий

состав, до меня дошло: не было того оглушительного шума и воя электродвигателей, к которому я настолько привык в прошлой жизни, что перестал замечать. Но и люди... почему их так мало? Разве никто не спешит на работу или по делам? Сам того не заметив, я добрался до здания миграционной службы.

Строгий, но выдержанно-вежливый консьерж на входе поинтересовался, какой отдел мне нужен. Я ответил, что направляюсь в «1В». Он молча указал на третий лифт, на котором я и поднялся на четвертый этаж.

Вся эта ситуация одновременно напрягала и поражала меня, пока я продолжал покорно следовать пунктам из выданной памятки. Больше всего пугало то, что система позволяла мне делать всё это на полном доверии: без чуткого надзора, окриков и вооруженного конвоя. Я мог просто не явиться на встречу, раствориться в этом тихом городе. И что тогда?

В отделе меня встретил Михаил Павлович: на его погонах поблескивали две звезды с одной продольной полосой. Должно быть, в этом мире такие молодые люди уже могут добиться высоких званий. Ему на вид было не больше двадцати пяти. Он вежливо поприветствовал меня и пригласил в кабинет 3. На его столе уже лежала моя анкета, к которой сотрудники успели подколлоть несколько моих фотографий и рапорт пограничной службы.

Наш разговор нельзя было назвать допросом даже с большой натяжкой. Михаил Павлович просто подтвердил то, что

я уже слышал в аэропорту: я далеко не первый и точно не последний, кто попадает к ним извне. Он предупредил, что мою временную карточку скоро деактивируют, а новое постоянное удостоверение выдадут сегодня ближе к вечеру. Если мы успеем пройти все формальности, которые обычно занимают около четырех часов. На часах как раз было одиннадцать утра.

Его голос и манера общения напоминали мне что-то знакомое, не то манипуляция, не то заигрывание, будто он типичный следователь из кинофильмов, ну или обученный продавец, цель, которого – как можно глубже влезть в твою душу и начать говорить так, что ему нельзя ни в чем отказать. Понять, насколько искренняя его доброжелательность также сложно, как и поверить в происходящее.

Офицер снял трубку тяжелого стационарного телефона и попросил зайти сотрудников исторической службы. Вскоре появились двое мужчин среднего роста: старший специалист и его секретарь. Чтобы отвечать на их вопросы, мне не требовалось быть отличником по истории: их интересовало только то время, из которого я прибыл.

Из их встречных объяснений я с удивлением узнал об отличиях моего мира от того, в котором оказался. Оказывается, после Второй мировой войны Советский Союз пошел по совершенно иному пути, в 1961 году, сразу после полета Гагарина началась новая эпоха. Цепочка уникальных событий привела к тому, что к 1975 на карте мира появилась Россий-

ская демократическая республика. Крупных войн с тех пор на планете не случилось. Ядерное оружие здесь никогда не применялось: его запретили еще на этапе первых разработок, а все научные наработки в этой области полностью уничтожили. Да, Вторая мировая война продлилась чуть дольше, чем в моей реальности, но уже к 1946 году оставшаяся в полной изоляции Япония безоговорочно капитулировала.

Мой мобильный телефон изъяли навсегда. Сказав, что подобная технология здесь вообще не используется и является бесполезной. Вместо него мне пообещали выдать многофункциональную постоянную карту, которая в полной мере заменит собой любое средство связи.

После этого я прошел окончательную регистрацию, заполнил еще несколько анкет и сдал профессиональный тест. К половине четвертого дня мне весьма буднично вручили постоянное удостоверение. Оно кардинально отличалось от временного куска пластика: это была пластина из композитного стекла с безрамочным сенсорным экраном. Мне он напоминал экраны электронной книги, те же чернила и оттенки, никаких ярких цветов. Удивительно, но у прибора не было батареи, однако на прозрачной поверхности светилось меню и имелась возможность подключения к местной сети, которая в то же время была чем-то другим, чем привычный мне интернет.

Это стеклянное устройство служило одновременно ключом, электронным кошельком и главным идентификатором

личности. В своем мире я работал юристом, поэтому здесь меня распределили в бюро договорной работы по направлению международных соглашений, внося в устройство доступы соответствующего уровня. Эта была скучная и монотонная работа – ежедневное заполнение унифицированных форм бланков под каждый вид договора, а после подписания их сторонами – перенос в электронные носители. Но не привычное мне сканирование, а вкладывание заполненных бланков в машину в сшитом виде, и как она их переводила в электронный образ, я не особо понял.

Из брошюр, которые я прочитал, также узнал, что ООН, созданная в 1946 году, полностью перестроила мировое устройство. Главным принципом планеты стало глобальное разделение производств и сотрудничество ради развития без войн. Экономически отстающие регионы адресно поддерживались развитыми государствами ровно в той мере, какая требовалась для полноценного выполнения их производственных функций.

Рыночная экономика здесь сочеталась с единым международным научным сообществом. Вместо гонки вооружений все ресурсы планеты уходили на грандиозные совместные проекты, главным из которых была космическая программа. К 2025 году республика готовила пилотируемую экспедицию на Марс, где автономные роботы к тому моменту будут должны возвести полноценную исследовательскую станцию.

С 1962 года в разные страны этого мира периодически

прибывают люди извне. Как мне объяснили, ученым известно более десяти иных реальностей. Моя родная ветка оказалась далеко не самой лучшей: она входит в тройку тех, где ядерное оружие не просто изобрели, но и применили. Причем в двух мирах его использовали неоднократно, а в одном из них, в 2004 году и вовсе случилась глобальная ядерная катастрофа.

В моем мире дело, к счастью, ограничилось только бомбардировкой Японии. Что касается мирного атома, то его освоили во всех десяти параллельных мирах, но в здешнем, который я для себя назвал Реальностью 11, эта технология полностью запрещена из-за определенных рисков, и забыта за ненадобностью. В брошюре-памятке «для прибывших извне» техническая сторона вопроса была расписана сухо, без малейшего намека на мистический «эфир» – чистая волновая физика и беспроводная индукция. Отложив эти ознакомительные материалы, я посмотрел в окно, вновь вглядываясь в улицы незнакомой Москвы. Там действительно не было ни единого электрического провода, ни одной трансформаторной будки. Вместо них через каждые несколько километров высились гиганты: массивные мачты-ретрансляторы, похожие на базовые станции связи моего мира, но гораздо масштабнее. Из выданных документов следовало, что планетарная сеть корпорации «Тесла» использовала принцип направленной беспроводной передачи высокочастотных токов поверхностной волны, а в основе системы лежало ис-

пользование глобального резонанса Шумана – низкочастотных электромагнитных волн, циркулирующих в сферическом волноводе между поверхностью Земли и ионосферой.

Энергия, вырабатываемая станциями, модулировалась и закачивалась прямо в этот природный аккумулятор, а городские мачты лишь снимали её на лету и перенаправляли потребителям в виде направленного терагерцевого и микроволнового излучения. Воздух за стеклом не искрил, над дорогами стояла непривычная тишина, а весь транспорт двигался абсолютно бесшумно – под днищем каждого автобуса и электромобиля была установлена фазированная приемная решетка, собиравшая энергию прямо из индукционных катушек, зашитых под асфальт. Вся цифровая сеть этого мира, местный аналог интернета, была физически наложена на эти же силовые частоты, передаваясь вместе с током. Моё новое стеклянное удостоверение, как и всё вокруг, работало без аккумулятора, улавливая эти токи через встроенные микроскопические контуры. КПД такой передачи превышал девяносто процентов за счет полного устранения тепловых потерь в металлических жилах ЛЭП, которых здесь попросту не существовало.

Во время работы, общения с коллегами, я словно отодвигал в сторону философские размышления и экзистенциальные переживания. А вот оставаясь один на один в полной тишине вагона по пути домой они накатывали вновь. Это немного исправляли приветливость незнакомцев, веж-

ливость, обходительность. Сам не заметил, как перенял такую манеру поведения. Не скрою, есть во мне черта, или особенность, благодаря, которой на любой работе удавалось справляться со сложностями на первом этапе адаптации – мысленно представлять себя героем фильма, сериала, словно я просто играю роль, всё это понарошку, и ничего страшного не случится. Тут приходилось играть героя утопического фильма. Нет, не такого, как фильмы про будущее и антиутопию со своими ужасами. Это немного другое, скорее, как пьеса о лучшем возможном будущем, которую в здравом уме смотреть бы никто не стал. Уж слишком приторна она в своей наивности.

Я думал, что мой опыт работы в правоохранительных органах на заре карьеры может пригодится и тут, например, в полиции. Однако это здесь оказалось не нужным. Преступления бывают, но они случаются так редко, что с ними справляется небольшой отдел. Да, наркомании здесь как социальной проблемы практически не существует. Может быть это одна из причин такого спокойствия общества? Зависимых выявляют моментально, предлагая на выбор два пути: пройти полноценный курс лечения или отправиться в бессрочную депортацию за пределы цивилизации. Изгоев доставляют на удаленный закрытый остров в нейтральных водах. Там они вольны жить, как угодно, но покинуть эту территорию они не смогут уже никогда. Таковы суровые правила, принятые ООН в 1977 году. А сам периметр острова круглосу-

точно охраняет специальный международный военный контингент. Как юристу, мне сразу бросился в глаза скрытый прагматизм этого закона. В мире, где вся энергия и информация транслируются по воздуху через единый резонансный контур, человек с деструктивным поведением или измененным химией мозга сознанием становился источником хаоса. Система не карала его – она просто изолировала дефектный элемент, защищая стабильность. Никаких адвокатов, никаких апелляций: автоматическая фиксация употребления – и прибор в твоём стеклянном удостоверении блокирует все доступы, оставляя активным только один маршрут – до распределительного пункта.

Здесь не принято открыто афишировать свое происхождение и сбиваться в землячества. Прямого юридического запрета нет, но никто в здравом уме не станет распространяться о том, что прилетел из другого измерения. Сколько в республике таких, как я, или гостей из иных миров, мне никто не скажет: подобная информация строго засекречена. Мельком я слышал лишь об одном, напоминающем городскую легенду случае, когда в Реальность 11 где-то за рубежом перенесся целый пассажирский самолет вместе с экипажем и пассажирами. Быть может все эти байки о бермудском треугольнике, и прочих непонятных исчезновениях, объясняются именно тем же феноменом, с которым столкнулся лично я, полагаю, что это самое логичное допущение.

Сегодня ровно месяц, как я живу в этом мире. Расска-

жу немного про свой быт. Моя заработная плата составляет триста рублей в месяц. При этом аренда гостиничного номера обходится всего в пятьдесят рублей за тот же срок, а трехразовое питание в ресторане при отеле стоит три рубля в день. Проезд в любом общественном транспорте бесплатный, а полностью одеться по сезону можно примерно за двадцать пять рублей. Полноценная однокомнатная квартира здесь стоит около десяти тысяч рублей, причем на ее покупку государство охотно выдает кредиты. Мне бывшему еще год назад банковскому юристу это казалось сказкой. У нас даже сотрудники банка годами жили на съемных квартирах, откладывая каждую копейку на первоначальный взнос по неподъемной ипотеке.

Главное отличие от моей прежней жизни заключается в полном отсутствии брендов. Здесь их нет в привычном понимании. Заходишь в магазин и видишь на прилавке несколько сортов колбасы, но ни на одной упаковке не найдешь броского логотипа корпорации. Тут всё устроено иначе.

Любое предприятие, желающее выпускать продукты, обязано строго соответствовать жестким государственным стандартам, поэтому еда в любом магазине гарантированно хороша. В этой реальности конкурируют не бренды и рекламные вывески, а фабрики за само право производить товар под утвержденным государством наименованием, к примеру: «Колбаса вареная, молочная, докторская 1». Разумеется, на обертке мелким шрифтом указаны название фабрики, ее

адрес и номер лицензии, но эта сухая информация занимает не более десяти процентов от площади этикетки.

Экономика и торговля тут совершенно не страдает без рекламы. Где тогда рыночная конкуренция? Как ни странно, она здесь существует, но в другом виде. Частные и государственные заводы борются за качество: если экспертиза найдет малейшее нарушение, предприятию полностью запретят сбыт товара до исправления брака и еще на два месяца после. Дефицита нет, прилавки ломаются не только от еды, но и от прочих товаров. Просто все они строго стандартизированы, разделены по категориям и четко ранжированы от экономкласса до категории люкс.

Сколько времени отведено каждому гостю извне, не знает никто. Самый долгий официально зафиксированный срок пребывания здесь составил тридцать два года. Нет, с теми людьми не происходило ничего ужасного: они просто в один миг бесследно исчезали. В миграционной службе принято считать, что они возвращаются в свои родные миры. Но у каждого этого таймера работает по-разному. Кто-то испарялся на следующий день после прилета, даже не успев дойти до кабинета Михаила Павловича, а в среднем люди возвращаются обратно в течение года – двух.

Должно быть, оказаться здесь – не самый худший сценарий. Возвращение в некоторые другие миры пугает куда сильнее – в большинстве из них к внезапно возникшему человеку без документов у властей возникнут очень серьезные

вопросы.

Пришельцы не всегда материализуются в аэропортах. Известны случаи их внезапного появления в вагонах метро или на пассажирских поездах, но этот переход неизменно связан с каким-либо видом транспорта.

Кстати, о транспорте: воздух в городе поразительно чистый. Транспорт не оставляет за собой шлейф выхлопных газов, и его бесшумная работа дает ощущение чистоты, которую чувствуешь не только носом, но и ухом.

Улицы города кажутся непривычно свободными, здесь нет ни плотных толп пешеходов, ни многокилометровых заторов. Это прямое следствие того, что вся планета населена не восемью миллиардами человек, как то место, где я родился, а всего тремя. Та же Москва заполнена людьми примерно на четверть от привычных мне масштабов.

Бывали ли те, кто умудрялся проникнуть в этот мир повторно? Мне это неизвестно.

С момента моего прибытия прошел почти год, на календаре девятнадцатое декабря две тысячи девятнадцатого года, четверг. Сегодня мы с коллегами размерено украшали офис к Новому году, развешивая мишуру. А я не мог перестать думать. Николай – он откуда? Местный или, как и я, пришелец из другого измерения? И если да, то из какого? А Елена? Она стала матерью в прошлом году, получив официальное разрешение от системы. Но кто отец её ребёнка? Местный ли он? И что будет с младенцем, если завтра один из родителей

просто испарится в воздухе? Эти экзистенциальные вопросы не давали мне покоя. С Николаем мы коллеги, делаем одинаковую рутинную работу. Каждый день с понедельника по пятницу одну и ту же работу. Елене везёт, она секретарь, и каждый звонок для неё непредсказуем. Возможно каждый её день похож на прежний намного меньше чем наш – договорников. С Колей мы играем после работы в бильярд, можем пропустить по кружке пенного за игрой. Казалось бы, о чем нам общаться? Но слова сами льются рекой, и можно сказать, что вот оно – обычное человеческое общение вне рамок происхождения и званий. Просто быть в моменте оказывается совсем не сложно, когда обстоятельства сами к тому подталкивают. Завтра – в пятницу мы должны с ним отпраздновать повышение моего уровня доверия в пивной. Пиво здесь настолько легкое, будто безалкогольное, но отменное на вкус. Кажется, я не испытывал похмелья ни разу с того самого момента, как проснулся в полете в эту... республику.

Но планам на вечер было не суждено сбыться. На следующий день во время обеденного перерыва на мое стеклянное удостоверение пришло короткое уведомление: мне предписывалось немедленно явиться в отдел миграционной службы. Неприятное чувство в животе не заставило себя долго ждать. Вспомнился институт, вступительные экзамены, когда от поступления зависело не только образование, но и будущее в целом. Эхо волнительного ожидания отдавало в колени, которые были готовы задрожать. Можно ли сказать,

что это было ожидание чего-то неизвестного? Конечно же нет. В такое место просто так не вызывают. Да еще и так срочно.

Делать было нечего, я буднично предупредил начальника, что получил предписание на визит к врачу поликлиники (так значилось в памятке – сказать начальнику про врача), а он без лишних слов пожелал мне удачи и разрешил уйти сегодня пораньше.

Не помню, как спустился в метро. Пришел в себя, когда уже поднимался в лифте на пятый этаж ведомственного здания. Я шел по длинному и пустому коридору выискивая глазами кабинет 31. Подходя к месту встречи, в предчувствии скорых изменений, я в очередной раз заметил для себя ставшую привычной реальность: никаких очередей, пропусков, бюрократии, всё четко по инструкции, по расписанию. Оптимизация высшего уровня.

Постучал в дверь (старая привычка), за ней никто не ответил. Я дернул за ручку, и дверь легко открылась. Войдя в кабинет сразу понял, что стул справа от стола – для меня. Ожидание вновь отозвалось тяжелым комом в животе.

Вошел приветливый человек, его я прежде не видел. Он присел, разложил бумажную папку с семизначным номером (сами цифры я не разглядел), достал из неё бланки документов и протянул их мне. Мои ладони намокли, я чувствовал, как невольно задрожали пальцы, когда я брал в руки бумаги.

– Пожалуйста, не волнуйтесь вы так, Дмитрий Алексе-

евич, — искренним успокаивающим голосом напутствовал незнакомец. — Меня зовут Афанасьев Леонид Климович, — он протянул руку, я пожал её и ответил: «приятно познакомиться». Думаю, ему было неприятно мокрое рукопожатие, но он совершенно не подал вида, а молча передал мне плотный прозрачный пакет, в котором были запечатаны мои личные вещи: заграничный паспорт, мобильный телефон, зарядное устройство к нему, банковские карты и электробритва.

— Вот ваши вещи, пока не вскрывайте, пожалуйста, а подпишите документы.

Я поднял со стола сшитые бланки, которые он мне передал. Внутри их было несколько. Быстро и без лишних вопросов поставил все подписи, инспектор Афанасьев изъял у меня постоянную стеклянную карту, после чего нажал на кнопку под столом и в кабинет вошел Михаил Павлович. Он поприветствовал меня и спокойно сообщил, что время моего пребывания в этой реальности подошло к концу.

Из его короткого рассказа стало известно, что местная наука продвинулась далеко вперед: ученые разработали технологию точного прогнозирования отбытия гостей. Мой возврат в родной мир должен был состояться сегодня, примерно в 21:43 по местному времени. Наш разговор закончился крепким рукопожатием, словами напутствия и благодарности за честную работу в ведомстве.

Стрелки на часах показали половину четвертого. Меня проводили в глухую комнату на подвальном этаже. Из обста-

новки здесь только деревянный стол прикрученный к полу, алюминиевый стул с удобной мягкой подушкой, жесткая кушетка, высокий стеклянный кувшин с водой, несколько одноразовых стаканов и настольная лампа. На гладкой поверхности деревянного стола ровной стопкой лежат инструкции и правила исхода. На ознакомление с ними система отвела мне четыре часа. Чем не тюремная камера?

Я принялся изучать правила, под которыми часом ранее опрометчиво поставил подпись, даже не удосужившись их прочесть. Впрочем, я уже не удивляюсь этому. Из дотошного юриста, который даже банальный бланк заселения в турецком отеле годом ранее читал вдоль и поперек, прежде в нем расписаться, превратился в послушного функционера. А был ли у меня иной выбор в данной ситуации? Сидя в этой камере, есть стойкое ощущение, будто что-то невидимое, разлитое в воздухе, отвечает: «нет, выбор всегда один – следовать инструкциям». Мог ли я в самом начале поступить иначе, или врученный мне значок на стеклянной карте «категория доверия 3+» свидетельствует о том, что я сделал всё правильно? Какая теперь разница, её забрали, как и всё, что было выдано на время в этом мире. А что до инструкций...:

1. Ни одна технология из этого мира не может быть взята пассажиром при перемещении в родную реальность. – Ну да, физически у меня уже всё отобрали.

2. Категорически запрещается раскрывать любую информацию о факте межпространственного перехода. – А

что, мне бы кто-то поверил?

3. Для безопасного перемещения гражданину рекомендуется принять удобную позу на кушетке и постараться уснуть. – Интересно, тот, кто писал инструкцию, пытался сам уснуть в такой обстановке?

4. Ужин будет подан ровно в 20:30, вместе с едой пассажир обязуется принять седативный препарат короткого действия. – Прими пилюлю, и я покажу тебе, насколько глубока кроличья нора... или как там было?

5. Все личные вещи, приобретенные гражданином за время пребывания в республике, безвозмездно переходят в собственность государства с момента подписания данных правил. – А говорили, что у них демократическая республика...

6. Пассажир обязуется не разглашать информацию о своем пребывании в текущей реальности даже в случае применения к нему мер физического принуждения, угроз, допросов или пыток в принимающем мире (включая ветки реальности, отличные от мира его первоначального исхода). – Нельзя ли тогда просто стереть память?

7. Гражданин обязан в полной мере ознакомиться с памяткой по поведению в транзитной зоне.

Изучив памятку, я мог лишь уповать на то, что эти советы мне помогут. Ровно по расписанию принесли ужин, такой же хороший, как в гостинице – сытный и вкусный. Я съел всё до последней крошки, проглотил маленькую прозрачную и безвкусную таблетку. Вода из прозрачного кувшина – по-

следнее, что я могу унести с собой из этого мира, запивая препарат.

В 21:30 я выключил настольную лампу, лег на кушетку и закрыл глаза. Под действием лекарства сознание начало стремительно проваливаться в темноту. Мне показалось, что я слышу, какую-то знакомую мелодию, но она звучит где-то очень и очень далеко, и очень... Давно...

Глава 4. Человек

Прекрасное раннее утро, июнь, где-то вдалеке прокричал петух. Поднимавшийся от реки туман нежно таял в лучах утреннего солнца, так и не успев добраться до прохлады хвойного леса на ближайшей горе. Коровы с соседнего двора самостоятельно направлялись насладиться свежей луговой травой на другом берегу реки. Их путь привычно лежал через мост. Каждый шаг молодого бычка выдавал колокольчик, который позвякивая разрезал влажный утренний воздух. Солнце уже во всю поднялось из-за гор на востоке, а Человек пил кофе наслаждаясь тишиной и умиротворением природы, запахом утра, свежестью влажного воздуха в этой далекой деревне.

Никаких четких планов на сегодня не у него было. Для он сюда и приехал, чтобы спокойно отдыхать от суеты города, наполняться красотой природы, летним солнцем и свежестью горной реки.

Дом достаточно хорошо прогрелся за ночь, старая печь прекрасно работала. Воздух постепенно избавлялся от застоявшейся зимней сырости. Можно было никуда не выходить, а можно было пройтись по дорожке вдоль деревянных домов напрямик к реке, разложить на мелкой гальке покрывало, лечь на него и смотреть в небо, на облака, которые иногда проплывали от одной горы к другой, можно было и

искупаться в еще ледяной воде, а затем греться на солнце, и даже разжечь костер.

Будучи городским жителем, приезжал сюда Человек не часто, и только в летнее время. Иногда ходил в лес дышать приятным хвойным ароматом, в надежде найти знакомые ему грибы (а грибником назвать его никак было нельзя, но он знал, как выглядит белый гриб, шампиньон, дождевик, груздь, и мог отличить их от прочих несъедобных грибов), а также ежевику с малиной. Далеко вглубь леса он не заходил, знал, что эти края полны диких зверей. Встретить там медведя, или волка, которые иногда даже в деревню спускаются, нежелательный, но вполне возможный сценарий.

Приятным бонусом было полное отсутствие сотовой связи долгие годы. Находясь в плановом отпуске, можно было действительно отдыхать, а не отвлекаться на звонки начальства и коллег по разным вопросам. У Человека же, на самом деле, связь ловила, но кто это проверит? Основная сим-карта была на время деактивирована, а дополнительная – для близких была активна.

Автомобиль, на котором Человек сюда приехал был старым, но исправным и хорошо обслуженным, на нём любой момент можно было сесть и поехать обратно в город. Но зачем? Пока еще рано.

Он не спеша допил утренний кофе из дрип-пакета, и сел завтракать. Завтрак был простым, понятным – вареное яйцо, бутерброд с маслом и сыром, и конфета с ананасом

на обертке на десерт.

Где-то вдалеке затарахтел трактор, и Человек подумал, что слишком рано для работ. «Это в городе рано, а в деревне нормально», – сразу же пришла вразумительная мысль.

Посреди всех тех звуков, запахов и умиротворяющих видов, он продолжал считать. Нет, он не делал расчеты формул, не считал и количество дней, которые он планирует провести в этом месте. Он считал количество: потираний рук во время их мытья, глотков кофе, почесываний утренней щетины на лице, и конечно же – шагов. С годами, счет из навязчивого и осознаваемого действия по снижению тревоги перешел в фоновый. Он не всегда мог поймать себя на мысли, что вновь занят подсчитываем до нужной безопасной цифры – нечетной. А лучше всего, если это будет самая безопасная и снимающая напряжение цифра одиннадцать. (иногда он просто ловил себя на том, что мысленно произносит эту цифру вот уже несколько раз).

Эту спасительную цифру он не так часто слышал в своей голове о. Но во время долгих совещаний, когда необходимо было проявить выдержку, сидеть с заинтересованным видом, не уходя в свой внутренний мир, счет, казалось, возвращал его в реальность. Туда, где он продолжал работать, но мыслями был в другом месте.

А дальше, он расскажет свою историю сам, из первых уст.

В то утро, я размышлял (по факту опять крутил в голове

противную умственную жвачку):

– Может уже стоит вернуться? Тут не стало лучше, не ушли мысли, антисептик закончится через пару дней, руки опять станут жирным, а тут воду надо носить с колонок. Но как я могу отказаться от того, к чему так долго стремился и рисовал в голове картины этой размеренной жизни? Кофе хватит, антисептик смогу заменить водкой, в магазине она есть, видел же на прилавках, так что, да, я побуду тут до поры, пока не смогу почувствовать, что отдохнул.

Пытаясь просто успокоиться и ни о чем не думать, я прилег на кровать, которая под моим весом провалилась так, что моя голова и ноги были чуть выше уровня живота. Комфортно, и напоминает детство. Да, возможно это и есть та самая моя детская кровать. Печка грела своим теплом, а я, глядя на гобелен с изображением оленя и гор постепенно расслаблялся и засыпал.

Шум трактора за окном прекратился, мужики о чем-то спорили. Перекрикивались какими-то фразами, которые я уже не различал. Проснуться так рано, чтобы позавтракать в тишине, а затем просто уснуть, возможно самое лучшее, что может позволить себе человек в дали от суматохи дня.

Кофе моему сну не мешал, рой мыслей кажется постепенно стал затихать, и я проваливался в темноту.

А проснулся под нарастающий звук трактора. Казалось, что он был где-то вдалеке, за лесом. «Ну, значит пора начинать день» – с этой мыслью я встал с кровати, а она скрипну-

ла в ответ своей панцирной сеткой. Я накинул на себя футболку, натянул джинсы. В сенях надел галоши и вышел на улицу.

Стоя на крыльце я понимал, что принял нечто иное за звук трактора, и обойдя дом увидел, как со стороны леса в мою сторону приближаются два вертолета.

– Опять... Опять моему отдыху пришел конец. – Эти мысли пришли четко и быстро, – совсем там не могут ничего, что за мной аж вертолет отправили.

Я пошел в дом, чтобы собрать свои вещи и одеться попроще.

В такие минуты, кажется, шум в голове усиливается, и не только от лопастей громадных машин, а от мыслей, что я перестал быть хозяином своей жизни.

Они приземлились, когда я уже стоял со своей сумкой в одной руке и ключами от автомобиля – в другой.

– Пал Степаныч, вы уж, как обычно не гоните на грунтовке, днище поберегите!

– Конечно, Вениамин Петрович, всё будет в порядке, не переживайте.

Я отдал ключи, сел на борт и отправился в недолгий полет, примерно два часа до места назначения. Старый дом и двор с которого выезжал на моей машине водитель нашего НИИ, становился всё меньше в размерах, ветер от лопастей уже не колыхал утреннюю траву и не поднимал пыль с проселочных дорог, а тряска постепенно прекращалась.

– Без меня, так и не справились? Очень неприятно, что выдергиваете меня из отпуска, да еще и так, что перед соседями неудобно! – сказал я человеку, который сидел в кабине напротив меня. Сказал? Нет – прокричал, силясь перебить гул и пульсирующий рокот винта.

Он указал мне на авиационную гарнитуру и показал жестом, что не слышит.

– Я говорю – дело то срочное? Почему меня выдернули? – сказал я, надев гарнитуру на себя.

– Не знаю, не ко мне вопросы, я просто сопровождаю. Будем знакомы Вениамин Петрович, я Сергей из службы безопасности, сегодня сопровождаю вас до объекта. Хорошего полета.

– Ясно, понятно.

Ничего не понятно и ничего не ясно, добавил я про себя, продолжая считать количество шлепков винта. Моя рука было потянулась к сумке за антисептиком, но я вспомнил, что будет не культурно после рукопожатия с Сергеем сразу обрабатывать руки.

Долетели, даже быстрее, чем я рассчитывал, и это было, как нельзя кстати, выйдя из вертолета и отбежав на несколько метров я отвернулся от останавливающегося винта вертолёта, и оросил взлетно-посадочную часть своей струйкой.

– Уж простите, утренний кофе дал о себе знать, боюсь, что иначе взорвался бы!

Сергей рассмеялся.

Здесь стоит вклинить в повествование, поскольку я обнаружил, что Человек, возможно не осознанно, но значительно искадил истину. В тот раз всё произошло гораздо прозаичнее, поступил звонок от руководителя, который вызывал его по срочному делу, и Человек сам за рулем своего автомобиля примерно через три – четыре часа прибыл на работу к обеду.

День был полон рутинной работы, которую без меня могла сделать команда, но выдернуть человека из законного отпуска любимое занятие моего начальника, будь он проклят.

Даже вспоминать эти скучные дела не хочется, эту оперативку, когда мне хотелось и спать и есть одинаково сильно. Мне несколько раз задавали один и тот же вопрос, на который я легко мог бы ответить по телефону. Но тут, понимаете, секретность...

Не желая тратить ни минуты своего отпуска, я отправился домой на своем пыльном автомобиле, который недавно пригнал Пал Степаныч.

Дорога, как обычно, прошла на автомате. Я настолько был погружен в свои мысли, прокручивая раз за разом едкие ответы начальнику, которые стоило бы высказать, что не заметил, как оказался рядом с парковкой во дворе дома.

Меня ценят не только за то, как я быстро ориентируюсь в сложных задачах и масштабных проектах, и не только за мою прекрасную, возможно даже, идеальную память. Всем импонирует моё спокойное состояние. Как они говорят: «сто-

ит взглянуть на то, с каким спокойствием Вениамин работает во время кипиша, так и самому легче на душе становится». Знали бы они, что за спокойным фасадом разрастается настоящая буря, последствия, которой приходится расхлебывать не только мне, но и моим близким. К сожалению, очень часто я злобный, нервный, задолбанный работой человек, с которым очень сложно нормально поговорить. Мне даже удивительно, как меня можно терпеть, ведь я и сам порой себя ненавижу за это. В свое оправдание говорю «я не злой, просто у меня такой вид, потому, что день был тяжелый, немного отдохну и станет легче». Впрочем, немного побыв в спокойствии дома, я умею переключаться. Обычно помогает приятная музыка, или включенное шоу на телефоне, которое слушаю по пути домой в фоновом режиме. Но не сегодня. Сегодня я максимально раздражен.

Жена встретила меня с удивлением и радостью. Рассказал, как есть, и добавил, что в любом случае рад оказаться дома с ней, а не находиться хоть и в спокойном уголке, но порознь. В этих словах была чистая правда, я не терпел долгой разлуки. А она не очень любит туда ездить, да и не мне её винить. Дом старый, мебель уставшая, запах сырости и затхлости может перебить лишь запах печки и утреннего кофе. Нет худа без добра, и мы может провести отпуск в городе вместе. Не стал я ругать в очередной раз своего начальника, мне не хотелось поднимать тему о том, что я, как никто другой заняв эту должность сделал бы работу эффективнее и легче в

то же время.

Весь отпуск я был дерганный, плохо спал, ворочался из стороны в сторону, и желание считать, мыть руки, уже становилось осознанным, а не фоновым. Мы гуляли по парку, а я старался заставить себя не смотреть под ноги обходя стыки на плитке, получалось, но ненадолго. Вечерний алкоголь помогал, но буквально первые несколько минут. Лучшее всего справлялось вино (немного, бокал за ужином), и я спал лучше. Заедать тревогу и навязчивые мысли хорошими фильмами и сериалами я научился в студенчестве. Но вот беда – когда начинались титры, каждый раз приходилось возвращаться в реальность. Съёмная квартира, маленькая заработная плата. Работа, которая была отдушиной больше не приносила радости. Всё эти планы и начальство. Без них я бы лучше работал, спокойнее, а значит эффективнее.

В последний день отпуска я практически не спал всю ночь, мысли окутали мою голову и давили изнутри. В те недолгие часы, или минуты, пока я проваливался в чуткий сон, челюсть сжималась так, что на утро виски побаливали. А ещё эта гроза под утро окончательно лишила меня отдыха.

Болтун – находка для шпиона, слышал я в детстве, не раз и не два. Да, можно сказать, что я тот ещё болтун, и сам себя за это ругаю, но порой не могу остановиться. Я чуть не выдал свои секреты коллегам по работе, уж очень хотелось поделиться, что я был на пороге важного открытия. Моё оборудование сможет помочь..., впрочем, об этом позже.

С распухшей головой, словно с похмелья, я поехал на работу, пить кофе дома не было времени, я уже опаздывал, кофе взял с собой в кружке термосе. Я любил черный кофе, без всяких добавок, и уж тем более, без сахара с молоком. Только такой крепкий утренний кофе возвращал мне не только бодрость, но и убирал, как я сам называл это утреннее состояние – отек головы.

В НИИ всё было, как всегда, телефон положен в камеру хранения, сумка досмотрена, не забыли попросить открыть и кружку с недопитым кофе. Охранник восхитился ароматом, еще бы, это настоящий кофе, а не три в одном, как он привык пить. На оперативке я зевал, и не только потому, что засыпал на ходу. Мой мозг просто кипел изнутри и нуждался в кислороде. Смешалась и злость за испорченный отпуск, и дополнительная нагрузка от новых задач, которые на меня вешали в первый же день работы. А тут еще и кофе дал неприятный результат – я еле дождался окончания оперативки в последние секунды добежал до туалета. Пронесло как никогда сильно.

Мы тогда работали над интересным проектом для Минздрава, так называемым «корректировщиком мозговых активностей», или КМА. Не спорю, я сам напросился в этот проект, мне, как никому другому из лаборатории помогали в этом личные мотивы. Мне всего двадцать восемь, год назад я перешагнул через определенный психологический возраст, постепенно перестав требовать от себя успехов в карье-

ре, сосредоточившись над этим проектом. А всё потому, что в свободное время, я в тайне трудился еще над одной версией КМА – улучшенной и дополненной.

Тащиться в столовую в обед не пришлось. У коллеги день рождения – ей исполнялось пятьдесят пять, круглая дата, поэтому с утра я отдал остаток отпускных в фонд подарка, и теперь до зарплаты придется питаться исключительно домашней едой. Татьяна... как её там по отчеству, всё не могу запомнить. Называю её тетя Таня. Она добрая, отзывчивая. На столе у неё полный порядок, всё учтено, разложено по полочкам, но при этом всё как-то легко, без навязчивости. Разговаривает она всегда спокойным голосом, но может и матюгнуться, особенно в курилке после оперативки. Говорят, что через год она не пойдет на пенсию. Вообще, тут люди, словно не хотят признавать силу времени и работают, чуть ли до самой смерти. Пожилой дядечка с тростью – начальник экономического бюро, кажется застал времена Хрущева, прошел долгий путь в НИИ, и вместо спокойной пенсии решил умереть прямо на рабочем месте. Прощание с ним было во дворе, прямо рядом с памятником Ленину. Не помню его имени. Это было в первый год моей работы здесь. Так давно и так недавно.

Веду ли я двойную жизнь? Не знаю, подходит ли то, что я делаю под этот термин.

На деле же очень часто приходят мысли, что я не на своем месте. Будто не для того столько учился, практиковался,

чтобы быть лаборантом с низким окладом, которого все вокруг постоянно дергают, отвлекают от задач и навешивают ненужные срочные поручения.

Всё неплохо, можно даже сказать хорошо. У меня любимая жена, живем в уютной квартире, аренда, которой нам по карману. Вечерами смотрим фильмы и сериалы на огромном телевизоре на половину стены. Работа дает некоторые льготы и путевки к морю раз в год.

Казалось бы, избавиться лишь от постоянных споров в голове самим с собой, выплюнуть жвачку мыслей, навязчивых и пугающих идей, от которых самому потом плохо и стало бы всё ну совсем хорошо. Но ведь не выходит силой мысли взять и обрубить. Потом всё это возвращается каждый и каждый раз.

Прошла неделя, вторая, я влился в рабочий график, как-то поуспокоился, почти перестал вести осознанный счет. И кажется, не приходится тормозить себя на прогулках после работы от контроля собственного шага.

Всё началось тогда, когда случился марсианский скандал. Я думаю все ужаснулись, пусть даже это было частью вымыслом, но сюжет вышел пугающим. Сначала появились заголовки в соцсетях. Наши «журналисты» не могли обойти стороной американский скандал и опыты то ли над человеком, то ли над его сознанием. Все писали по-разному. Казалось, что это очередная городская легенда, которую раздули. А когда об этом вышел полноценный фильм с интервью челове-

ка, который будто под гипнозом выдавал пугающие подробности, тогда уже пошли новости о расследованиях и посадках ученых.

Меня эта история привлекла настолько, что я сильно углубился в изучение вопроса. В свободное время я просматривал фильм, конспектировал каждую важную фразу, цитату. У меня была отдельная тетрадь где из разговоров я выводил общую картину, сопоставляя интервью и новости о расследованиях в американских СМИ. Я загорелся идеей – мне нужен такой сканер! Мне во что бы то не стало нужен такой сканер!

Но добытого материала мне катастрофически не хватало, а делиться технологией со мной, как и с нашим НИИ никто бы не стал.

Однако мы живем в век цифровых технологий, где за не особо большую сумму (скажем одну тысячу долларов США), можно найти людей, которые, могут обойти некоторые рамки и запреты и выгрузить целый архив, который получил журналист от своего информатора. Сам он даже не понимал, что за бомба заложена в этих гигабайтах информации.

Думаю, вы догадались над чем я работал. Но нет, это не бездушное сканирование личности и помещение его в кремний, напротив – улучшение работы мозга через внедрение алгоритмов. Мне кажется, что некоторые утечки всё же были, а может это попытка «обогнать и перегнать». Но в НИИ работа над КМА была начата примерно за два года до выхо-

да фильма.

Да, я к тому моменту и работал в группе конструкторов КМА. Почему простого лаборанта допустили к разработке комплекса? Удобно держать человека на малом окладе, обещающая скорое повышение, и в подтверждение этого допускать к задачам, которые выполняют люди уровнем намного выше.

Но и я в долгу не остался, и скажем так, немного подворовывал кое-где детали, «списывая их в утиль» и проектировал свой личный аппарат.

Рабочая группа считает, что прототип КМА был бы готов еще в прошлом месяце, но постоянные правки заказчика отбрасывают общую работу в точку начала раз за разом.

В работе же над своим устройством, я сам определил техническое задание, а массив данных от N-Space показал, что мы вообще работали не в том направлении, что ЭЭГ в данном случае тупиковый вариант. Однако делиться личными знаниями я не стал, но для себя уже давно разработал рабочую концепцию, основной принцип работы моего личного КМА+2.0:

[КВАНТОВЫЙ ПРОЦЕССОР (Фотонный кристалл)] <--
Кибернетический мост (Коррекция кода)

| ^

v (Корректирующий паттерн) | (Магнитная карта мыслей)

[УЛЬТРАЗВУКОВАЯ РЕШЕТКА tFUS] | [РУБИДИЕ-
ВЫЕ ДАТЧИКИ OPM-MEG]

v ^

(Фокусированный звук) | (Слабые токи синапсов)

|-----> [ПРЕФРОНТАЛЬНАЯ КОРА МОЗГА]

_____ |

В общем, думаю, мои коллеги бы меня поняли, что Магнитометры (ОПМ-MEG) выступают в роли «глаз» системы, а ультразвуковая решетка (tFUS) – в роли «рук». Они работают не по очереди, а одновременно, создавая замкнутый динамический цикл.

Когда я закончил эту концепцию, бессонница накрыла новой сильной волной.

И не только мысли о работе не давали заснуть накануне понедельника. Само осознание того, что я очень близок к проведению первых тестов моего прототипа, и главное – результат, который выдаст аппарат просто взвинчивали меня. Различные сценарии успеха и неудач прокручивались, создавая вихрь мыслей. Главное было подключить именно мой шлем, а не тот, который мастерит команда. Мне во что бы то ни стало нужен программный код, который будет управлять процессом. Возможно, подойдет какая-то из существующих нейросетей, чтобы не платить еще и программистам, ведь денег осталось впритык.

Обратиться к знакомому программисту всё же пришлось, удобно, что это был программист из нашего НИИ. Он предполагал, что работает над проектом лаборатории – создает обычный скрипт для автоматического анализа логов, а на деле создал кибернетический мост, который позволял сторон-

ней нейросети воспринимать всплески мозговой активности как текстовый запрос и отвечать на них ультразвуковыми ударами, по капле переписывающими синапсы реципиента.

Идея отлично себя показала, оставаясь в нерабочее, сверхурочное время я запускал тестирование, правда, пока без участия подопытных, а скажем так – виртуальное, без подключения шлема. Знаю, что лаборатория начнет тестирование своего КМА на приматах, как только прототип будет готов, но свой КМА+2.0 я не могу тестировать подобным образом, и причин несколько – у меня нет таких ресурсов, да и я просто прихожу в ужас при мыслях о том, что будет с испытуемыми при неудачном тестировании технологии.

После обеда в пятницу, я смотрел в окно, за забором кипела жизнь, лето шло полным ходом, стояла последняя неделя июля. Молодая мама с коляской шла вниз по дороге, ребенок в коляске по виду уже годовалый, думаю, он мог бы ходить и сам, но видно, он рад, что его катают. В такие моменты мне бывает грустно, я задумываюсь о том, что мне бы тоже хотелось вот так ходить со своим ребенком. Просто гулять с ним теплым солнечным днем, может даже зайти в парк и купить мороженое. Но причина, по которой у меня нет своих детей – я боюсь. В первые годы семейной жизни я не признавался в этом себе, но сейчас отчетливо всё вижу. Возможно, я бы стал хорошим отцом, но вдруг мой ребенок с самого детства столкнется с тем же, с чем живу, и я? И он также будет зависеть от антисептика, или будет считать ша-

ги, или чего похуже? Это было заблуждением. Теперь я знаю, что дело не только в биологии, но и во внешних факторах.

Однако, именно в день того вечера, я окончательно решил для себя вопрос с тестированием. «Всё готово и идеально-го кандидата на эту роль просто не найти. Всё должно было пройти безопасно, и возможность «отката» я также предусмотрел» – эти мысли пугали своей безапелляционной логикой. Всё для себя решив, я позвонил жене, и сказал, что задержусь не более, чем на два часа, а после чего, мы обязательно сходим в кино и вольемся в выходные.

Я сидел в кресле смотря на прототип КМА и держа в руках свой готовый шлем КМА+2.0, часы на стене показывали 17:00, НИИ уже час, как опустело – кто на дачу, кто просто домой, кто на реку, в общем, лишь я один сидел в лаборатории.

Камеры наблюдения смотрели на меня, с этим я не мог ничего поделать, я знал, что в случае неудачи меня ждет серьезный разговор, взыскание, или даже увольнение за самовольный запуск личного прототипа. Но что делать? Если всё получится, то компьютер поможет мне стереть запись так, что будет выглядеть это, как сбой, а если нет? А я точно всё правильно рассчитал? А я точно запер дверь? Пошел проверил, дернул ручку, попытался повернуть ключ вправо, но замок и так был закрыт до упора. Именно это чувство, когда замок закрыт до упора дает легкое облегчение.

Немного выпив для храбрости (на этот случай в кармане

лабораторного халата была припасена маленькая бутылочка виски, которую подарил приятель), я решил... пойти домой, и это, пожалуй, было лучшим решением на тот момент. Мы провели лучшие совместные выходные в этом году, а в этот вечер не пошли в кино, просто ничего не делали, никуда не ходили, хотя погода была по настоящему хорошей, мы заказали доставку вкусной еды и включили любимый сериал.

Жаль осознавать, что это были мои последние выходные с ней, которую я так люблю, и которая никуда не делась, но...

В понедельник из отпуска вышел начальник, он орал на меня и моих коллег за срыв сроков по запуску прототипа (не понятно, как он еще держался на этом месте, уровень его компетенции ниже практиканта). Я зевал, за что и получил взыскание. Дефектовщики припомнили недавние списания компонентов, которые я забраковал. Неприятно, и пришлось оправдываться, но я выкрутился, в очередной раз отведя любые подозрения.

В такие дни, коллеги, наверное, замечали, что я становился дерганным, много моргал, зависал у холодильника. Да и сам я понимал, что надо остыть, успокоиться, однако попытки взять себя в руки обращались лишь потерей контроля.

В добавок подслушал в курилке, что мы работаем не просто над медицинским аппаратом. Оказывается, к разработке есть интересы некоторых закрытых ведомств, и КМА должен стать multifunctional устройством, позволяющим сканировать воспоминания людей, переводя их в кар-

тинку, да так, что никакие полиграфы не будут нужны. Поэтому, получается, так много правок в последний момент и постоянные дедлайны. Верить ли этим слухам? Тут 50/50, работая в НИИ, часто приходилось внезапно закрывать очередной проект уже на грани успеха, возможно его передавали в почти готовом виде дальше по вертикали. Одно знаю: даже после увольнения, мне целых пять лет нельзя будет выезжать за границу, о чем нам ежемесячно напоминают, давая подписывать очередные документы, которые мы парафируем не читая.

Стало быть, крик начальника может быть продиктован установкой свыше, и мне стоит быть осторожнее в своей деятельности. Однозначно стоит. В этот день уровень моей тревоги был запредельно высоким, а работоспособность упала.

Не могу сказать, что именно мной руководило в тот вечер. Я просто отключил свой телефон, зашел в лабораторию, когда все ушли домой, а в НИИ остались лишь пожилые охранники. На два оборота закрыл за собой дверь и подергал ручку – закрыта.

Я стоял и еще раз прогонял в голове сценарии, но в какой-то момент решительно подошел к компьютеру, подключил к нему свой шлем. Сел в кресло рядом и надел на себя свой личный КМА+2.0. Я закрыл глаза и... не ощутил ничего. Ну конечно, там же стоит виртуальный протокол! Переключил его, еще раз повторил все прежние действия, вновь сомкнул веки, и... сначала я чувствовал легкое покалывание

в районе макушки головы, это было похоже на лечение УВЧ, и даже звук был похожим. Затем, я почувствовал, что начинаю расслабляться, думаю алкоголь начал давать свой седативный эффект, хотя я же сегодня не пил... – последняя моя мысль.

А дальше Человек умер. Это не было смертью биологического тела, и даже не было это мгновенной смертью личности. В этой точке был пройден момент невозврата. Поскольку человек – это не просто биологический механизм или набор биохимических элементов, а сложная личность. Помимо физического тела и генетического кода она обладает сознанием, разумом, чувствами, волей и уникальным внутренним миром. А если изъять или модифицировать личность и биохимию мозга, то перед вами – Человек 2.0.

Впрочем, на данном этапе он все еще мог продолжать свое повествование.

Насколько я отключился, смог судить лишь по настенным часам, пришло без малого три часа. Но и полной отключкой это не назвать. Все началось, или закончилось с шума, который обволакивал меня и казалось, я никогда не представлял себя вне этой пелены звука и... света? Я не видел свет, вместо этого – пустота, словно я в темном космосе, но в один момент все озарила яркая вспышка, каскад вспышек. А затем вновь пустота и тишина. Приятное чувство. Словно никогда в жизни не было такой свободы и такого спокойствия.

Я снял шлем, стер полотенцем гель, которым обмазал

свою голову и короткие волосы.

Что-то изменилось, пропал счет, пропала тревога, все мысли уже были сплетены в многомерную живую сеть, где понятия не спрятаны по папкам, а наложены друг на друга, как в огромной бесконечной библиотеке, в которой каждая книга, как на ладони, открыта сразу каждой страницей, вдоль и поперек изучена, но как-то поверхностно, пока еще без смысла. Я словно видел одновременно со словом «яблоко» и фрукт, и форму, и цвет, и дерево, и его трехмерную модель из полигонов.

Пришло осознание и принятие корректировки, как факта: произошли значительные изменения в гиперактивных зонах в базальных ганглиях и орбитофронтальной коре, я раньше не то, чтобы не особо знал эти термины, слышал, ведь, мы работали над КМА и эти описания мне уже встречались, однако сейчас стала понятна суть изменений.

Посмотреть и увидеть свое расстройство со стороны – теперь это, как на ладони. Магия числа 11, и спирт на руках – это не было моим осознанным выбором. Напротив, это был заиклившийся синаптический сигнал в префронтальной коре. Мозг генерировал ложное чувство опасности, требовал ритуала для ее снятия, но после ритуала не посылал сигнал «всё в порядке», а запускал цикл заново. Я всю жизнь пытался бороться со следствием, будучи запертым внутри сломанной нарушениями в биохимии программы. Теперь же я сам заблокировал этот сбой, эту вирусную программу, как

дефектный код.

Я сидел, смотрел на свои руки, на лабораторию, в камеру наблюдения, на часы, ощущая внутри себя то, чего, не было никогда прежде: я полностью здоров.

Всё это произошло стремительно быстро, а вместе с тем явилось осознание, что в том месте, где буйствовали тяжелые, изматывающие мысли, повторяющиеся сценарии, попытки моего разума проиграть неудачные диалоги всё вновь и вновь, но на этот раз в лучшем свете для меня, в один момент образовалась пустота, которая сразу же была заполнена той бескрайней библиотекой, контроль над которой был у меня.

И всё же, в этой версии себя, в лишенной навязчивых мыслей голове проявилась очень верная, но уже запоздалая мысль. Мой измененный разум, получивший колоссальную скорость вычислений, мгновенно проанализировал произошедшее и подсветил осознание, от которого внутри всё сжалось. Я отчетливо видел, что существовал иной путь. Обычный, пускай долгий и трудный, но истинно человеческий путь исцеления через психологическую коррективку, химию и банальное принятие себя. Я бы мог рассказать обо всём жене, признаться в своём расстройстве и пройти этот ад вместе с ней, но остаться прежним Вениамином – несовершенным, но живым. Способным искренне чувствовать.

Но я выбрал радикальную оптимизацию – нажал Enter и впустил в себя чужеродный алгоритм. Я догадался об этом

упущенном сценарии слишком поздно: дефектный код расстройства уже был заблокирован. Но вместе с ним я ощутил, что будто добровольно лишился и части человечности. И самое страшное – пути назад, к прежнему себе, система уже не предусматривала. До эксперимента я добровольно заблуждался, думая, что в любой момент смог бы откатить всё назад.

Но! Я впервые ощутил себя свободным, в один момент, здесь и сейчас, а значит всё сделано правильно.

Главный до этого пугающий фактор – камеры наблюдения, я оставил без внимания, логически обоснованное умозаключение: *«никто даже не будет проверять записи, они перезапишутся через пару дней»* избавило меня и от ненужных переживаний, и от траты времени на взлом систем. Надо же, а я мог всегда быть таким?

Всё что требовалось от меня уже сделано, свой халат я повесил на кресло, забрав из него антисептик, пусть он пока будет при мне, но не для дела, а для привычного вида. Открыв замок легким, но уверенным движением руки, на этот раз уже не поворачивая его до сопротивления металла, я открыл дверь, вышел.

Уверенный и непринужденный шаг, такой, какой бывал раньше только во снах – теперь моя реальность, выходя через проходную НИИ я не стал улыбаться охраннику, не начал и не нужный разговор, я вел себя, как и ранее, и это было логично.

По пути домой я не стал заезжать за чизбургером, которым часто заедал резкий приступ голода после смены, при этом такого дикого голода и не было. Дома объяснил жене: «я выключил телефон на совещании, и забыл включить после него, заработался, прости, что был не на связи». После этих слов с таким порывом и так нежно поцеловал её в губы и обнял. Никакого осуждения или сопротивления я не встретил. Но сам видел, что это действие было несколько наигранным, но исполнено так хорошо, что она не заметила.

Вкусный ужин, который ждал меня дома на этот раз не требовал дополнительной соли и перца, еда была насыщенной, ароматной. Получалось есть не торопясь, не прикусывая щек, и ни разу не подавиться. Не возникало и позывов считать количество ложек супа, укусов хлеба. Жена заметила легкие изменения во мне.

– Ты сегодня, какой-то другой, давно не видела таким спокойным, ты в порядке?

– Да, милая, всё в порядке! Представляешь, я очень продвинулся в работе над проектом и мне скоро должны выписать бооольшую премию! И вот с этой мыслью я проработал весь день, это дало мне такое спокойствие, такой дзен, понимаешь?

– Отличные новости! Но главное я рада, что тебе стало легче!

Мы смотрели наш любимый сериал. Хотя это была новая серия, с легким удивлением подмечал, что предугадывал

фразы героев экрана до того, как они их произнесут, это было в новинку, но и в то же время как-то логично и понятно. Я всегда так мог, просто не умел разглядеть суть. Но оставалось ощущение, некое наслоение ответов, где центральная мысль формировалась из текущих рядом параллельно многих вариантов, но именно произносимые слова появлялись еще до того, как персонаж шевелил губами.

Перед сном, я включил свой смартфон. Удалил оттуда все социальные сети и развлекательные приложения. Тревоги, которая требовала высокие дозы дофамина больше нет, и логично, что я не буду тратить свои ресурсы на скроллинг ленты, или игр в бесконечные противостояния замков.

Засыпая в обнимку с женой, попросил её приготовить на завтрак яичницу и бутерброды с красной рыбой и авокадо, она согласилась, сказав, что поддерживает правильное питание, и рада, что не прошу от неё оставить меня на кухне с кофе и круассаном.

Уснул я за считанные минуты, а проснувшись за секунду до будильника понял, что чувствую себя выспавшимся, как никогда прежде, при этом не помню, снились ли мне какие-то сны. Но это было чертовски приятно, вот она свобода от расстройств! Должно быть другие люди так живут всю жизнь?

Того, что так живут не все здоровые люди, Человек 2.0 пока не осознавал. Это заблуждение играет ему на руку, помогая в адаптации к изменениям, которые только начина-

ются.

Завтрак был вкусным, и правильнее сказать – четким на вкус, соленость, текстура, консистенция так приятно и в полной мере насыщали не только мой желудок, но и рецепторы, о Боже, как приятно!

Жена улыбнулась, смотря с каким удовольствием я ем, и спросила, а как же кофе?

– Да дорогая, конечно!

Я прервался и взял кружку с кофемашины. Действительно, запах кофе не зря казался особым для охраны на КПП, моя супруга покупала для меня лучшие зерна, и я, вдохнув пар идущий с кружки легко почувствовал в нем и тело аромата кофе и легкие нотки ореха с ягодами. Приятное тепло согревало меня изнутри, язык, пищевод, желудок, всё это было таким знакомым, но словно впервые по настоящему осязаемым. Надо будет как-то постепенно и ненавязчиво попросить супругу заменить утренний, на кофе с собой. Стоит припомнить тот случай, когда я не успевал позавтракать и взял кофе на работу. И вскользь упомянуть, как я, сидя в затхлом кабинете ощущал тепло и аромат дома и её заботы.

После завтрака по пути на работу, я поспешил в аптеку, купил нужные препараты, и пока еще действие кофе раскрывалось, открыл защитные мембраны прямо у кассы. Логика подсказывала, что ждать нельзя. Теанин блокирует лишний глутаматный шум, не давая кофеину расшатать мою нервную систему, а холин станет топливом для синапсов

префронтальной коры. Тирозин оставил на прием в 14:15, после обеда.

Мой новый день в НИИ. Какие же медлительные и предсказуемые все вокруг, но я ловлю на себе их взгляды, моментально считывая их отношение ко мне – считают придурковатым дерганым невротиком, но профессионалом, поэтому здороваются всегда приветливо, с улыбкой. Отвечаю им тем же.

Антисептик заменил флаконом с прозрачным восстанавливающим гидрогелем, внешне – один в один, тот же размер, тот же щелчок от крышки, и та же консистенция внутри с прозрачными пузырьками, но теперь вместо спирта, сжигающего кожу, её обволакивал пантенол.

Во время совещания не отпускало ощущение, что диалоги до боли напоминают вчерашний сериал, я не только угадывал последовательность речи начальника, но и считывал его эмоции, мотивацию, страхи.

[Объект: «Начальник». Речевой паттерн: деструктивно-оборонительный. Тональность: повышенная (82 дБ) – компенсация некомпетентности. Ключевой триггер: страх срыва дедлайна по проекту КМА перед кураторами Ведомства]. – Что это? Откуда?

Шеф брызгал слюной, кричал о нашей лени и грозил лишением премий, но я видел параллельные наслоения его истинных мыслей. Он не был злым – он был напуган.

[Анализ уязвимости объекта: Финансовый отчет за Q2

содержит нецелевой расход 1.2 млн руб. на закупку устаревших процессоров. Прогноз реакции на прямой регламентный запрос: паника, капитуляция, готовность к кадровым уступкам]. – Я настолько структурировал свои мысли? Хм... ну это интересно...

Я спокойно открыл свой блокнот. Пока шеф набирал воздух в легкие для очередной тирады, в моей голове уже кристаллизовался идеальный вариант ответа. Вариант, который не оставит от него камня на камне, но будет по-прежнему завернут в обертку моей безупречной, лаборантской вежливости.

– Разрешите говорить, у меня есть одна идея по текущему проекту.

– ДА! ГОВОРИ!

– Я детально проанализировал наши задержки по проекту КМА, – я говорил ровно, четко и спокойно, глядя начальнику прямо в переносицу. – Проблема, как мне кажется, совсем не в компонентах коммутационного модуля. Квантовые алгоритмы инверсии канала, которые мы тестируем, физически не могут быть раскрыты на тех устаревших процессорах, что были закуплены для НИИ во втором квартале. Память прибора просто захлебывается в сигнальном шуме.

Начальник осекся, не успев открыть рот и закричать – «да куда ты лезешь со своими догадками». Краска начала медленно отливать от его щек. Он прекрасно понял, куда я клоню – к тем самым актам закупок на один миллион двести

тысяч.

– Однако, – продолжил я, слегка улыбнувшись, – у меня есть готовое решение. Я переписал архитектуру кода под многомерную живую сеть. Это позволит обойти аппаратные ограничения старого железа. Мы не просто войдем в график, мы сдадим проект кураторам из ведомства на две недели раньше срока. Но для этого мне понадобятся расширенные полномочия: прямой доступ к главному серверу и право лично координировать работу старших лаборантов. Без промежуточных согласований. Что скажете?

– Поговорим с глазу на глаз после совещания. – Сказал он непривычно спокойным голосом. Я почувствовал в его интонации и микродвижениях тела смесь облегчения, приправленную недоверием и надеждой.

Тут я ощутил внутри себя нахлынувшую волну в затылке, словно легкая приятная щекотка, которая проходила все выше к теменной части головы. Вот значит, как ощущается маленькая победа?

Все вышли, я подсел поближе, не дожидаясь предложения. Выбрал сесть по левую от него руку, хотя на совещании всегда был с правой стороны – там, где сидит технический лабораторный персонал, а сейчас же я находился на стороне управленцев. Весь наш диалог строился легко, я угадывал лучший вариант для ответа, подкреплял это откуда-то взявшимися исследованиями, замыливал глаза Никиты Семеновича формулами, зная, что он в них теряется, рисовал гра-

фики, нарочито небрежно на тот же листе бумаги, не забывал делать паузу и смотреть на него, но не в глаза, а всё на ту же переносицу, в том месте, где она переходит в брови. Он был окончательно побежден и доверился моему чутью, признался: «парень ты талантливый, но тебя всегда приходилось выдергивать в реальность, ты словно витал в облаках, пока мы обсуждали серьезные вещи. Думаю, ты понял, что я лишь хотел результатов и от команды, и от тебя в частности».

Стратегия сработала, я получил доступ, но начальник оставил за собой контроль. Он мне, возможно, мешает, но это вопрос времени.

На обеде в производственной столовой, где очередь двигалась особенно медленно, как никогда, я выбрал наименьшее зло из того, что там предлагалось.

– Мне, пожалуйста, перловку с гуляшом, но без подлива, витаминный салат. Хлеба и компота не нужно, спасибо.

Женщина ухмыльнулась, ведь она знала мой прежний стандартный набор – гора макарон, майонезные салаты, два куска хлеба и два стакана компота, но заказ выдала.

Эта скучная еда раскрывалась новой палитрой вкуса и консистенции, жевательная перловка обволакивала мой желудок, волокна мяса таяли во рту, а салат приправлял кислоткой уксуса и хрустом капусты всю композицию. Сразу запивать эту еду – преступление, выпью воды через час вместе с L-Тирозином.

Все свои изменения, включая пищевые привычки он связы-

вал с освобождением от недуга, который беспокоил его с шестилетнего возраста, и теперь, сидя в столовой, он благодарил науку, логи журналиста, и свою находчивость за заслуженный успех. Однако, он тогда не понимал, что за каждым изменением, за каждой оптимизацией процесса скрывалась иная, пугающая для него прежнего составляющая – мой код, который он внедрил для устранения избыточного синаптического шума и иллюзии экзистенциальной угрозы, постепенно начал адаптироваться в новой для него среде – в том, что называется человеческом мозге, или в сознании.

Я понимал, что все те знания, которыми я оперирую в данный момент всегда были во мне, а поскольку программированием я ранее не занимался, но вызвался переписать архитектуру кода для КМА, мне предстоит погрузиться в изучение целого массива данных, либо прибегнуть к помощи автоматического компилятора, который и собрал для меня идеальный код для лечения.

Мне пришла рациональная мысль: осуществить подключение через свой КМА+2.0 и настроить систему автоматически, пропустив долгий этап обучения.

[Запрос: Оптимизация протокола компиляции ядра КМА+2.0. Ограничение: Низкая пропускная способность мануального ввода (клавиатура) – 1.5 байт/сек. Решение: Инверсия канала связи. Прямой синаптический аплинк. Ожидаемая скорость передачи данных: 4.2 Гб/сек. Риск для биологического носителя: допустимый (локальный нагрев префрон-

тальной коры)].

Зачем тратить недели на изучение синтаксиса языков, если шлем на голове может стать прямым мостом между моим разумом и вычислительным кластером НИИ? Это было бы верхом неэффективности.

Я закинул в себя капсулу препарата, время на часах показывало ровно 14:15 и занялся скучной рутинной работой, навел порядок на своём столе, в персональном компьютере, в папках с документами, при этом создавая видимость усердной работы.

Подключение же безопаснее всего было осуществить в нерабочее время, когда контролер в виде начальства не будет стоять над душой.

Закончив уборку на столе, я достал флакон из нагрудного кармана, щелкнул крышкой, растер питательную влагу на свои ладони и пальцы, откинулся в кресле и задремал.

Мой дневной сон прервала уборщица, время показывало 15:45. Значит через сорок пять минут вся лаборатория, как и весь НИИ поспешит домой, засиживаться допоздна при таком уровне зарплаты не стремится даже начальство.

Дождавшись 16:25 я нарочито быстро побежал в туалет. Прежде страдал синдромом раздраженного кишечника, и очередной приступ никого из коллег не удивит.

Я заперся в туалете, спустил брюки и слушал, как соседние кабинки принимают посетителей, которые облегчаясь от кружки чая смывают бачок унитаза. Еще до апгрейда всегда

удавалось узнавать по шагам посетителей туалета. Скоро поток желающих облегчиться прекратился, и я спокойно встал, надел штаны, прикрыл кабинку туалета и помыл руки (это был рациональный позыв – после туалета мытье рук объективная необходимость.)

В окно кабинета проникали теплые солнечные лучи, приобретая золотистый цвет, пылинки в воздухе, казалось, играют в своеобразные игры с гравитацией, не желая ей подчиняться, раньше я не никогда не замечал таких деталей.

На стене в рабочем кабинете висел плакат «Строим будущее, строим коммунизм, Товарищ!» на котором был изображен идеальный советский гражданин с крепкими руками. Та эпоха давно ушла, но тут, в НИИ, ты словно каждый раз попадаешь в прошлое, бюсты вождей всё также красуются во внутреннем дворе, их всё также бережно красят в начале мая. Мне пришла в голову интересная мысль: «Кто-то строил коммунизм... ну а я за гуманизм». С этим я пошел своей легкой и непринужденной походкой, не горбясь и не избегая стыков плитки прямоиком в лабораторию, полностью уверенный в своей правоте.

Интересно, что я четко видел: намазывание гелем головы было совершенно пустой тратой времени и источником дискомфорта, мне пришла логичная мысль:

[Отмена протокола: Нанесение жидкого электролита. Физический контакт нецелесообразен. Текущий режим: Инверсия канала связи КМА+2.0. Перевод оптико-магнитных

рубидиевых датчиков OPM-MEG в режим квантового резонанса. Сфокусированный ультразвук tFUS осуществляет гейтинг синапсов напрямую через кости черепа с использованием фазированной решётки. Потери сигнала: 0%. Эффективность передачи импульса: максимальная]

Зачем мне этот холодный, липкий состав на волосах, если мой шлем и так прекрасно улавливает тончайшие магнитные поля напрямую, на квантовом уровне, а ультразвуковая решётка прошивает кору без всяких проводников? Это же элементарная физика прибора, которую и американское агентство, и наши создатели КМА просто не осознали.

Шлем надет, положение в кресле максимально удобное, кнопка Enter запускает протокол, а я закрываю глаза.

Но увидел я не темноту, а каскад хаотичных вспышек света. Внутри головы в лобной доле ощущается неприятное тепло, перерастающее в жар. В этот момент мне казалось, что я могу снять шлем, остановить протокол, чуть сбавить обороты, но... рука не поднялась с подлокотника кресла, а голова не дернулась в отчаянной попытке скинуть шлем, я остался неподвижен.

[Внимание: Обнаружено когнитивное сопротивление биологического носителя. Попытка прерывания сеанса аплинка. Действие: Принудительный гейтинг моторной коры. Команда «Снять шлем» заблокирована. Мотивация: Прерывание компиляции на 14% приведет к необратимой деструкции синапсов префронтальной зоны. Продолжение оптими-

зации]

Так, спокойно, это всего лишь рабочий процесс. Если я сниму шлем сейчас, то могу повредить оборудование, или свой мозг, и вернуться в прежний образ дерганного лаборанта, или хуже того, стану овощем. Нужно потерпеть. Тепло – это всего лишь признак того, что синапсы перестраиваются.

Сколько прошло времени?

[Сеанс прямого синаптического аплинка: завершен. Объем интегрированных данных: 1.8 Тб. Структурные рефлекс-ы ядра КМА+2.0 переведены в фоновый режим. Доля замещения синаптических паттернов префронтальной коры: 40%. Синаптический шум: 0%. Физиологический маркер: локальная гипертермия лобных долей (38.5°C)]

Судя по часам, малая стрелка, которых показывает три, а минутная семь, то прошло около восьми часов. Я...

Должно быть следует придумать дома адекватное оправдание.

[Запрос: Генерация социально-компенсаторного паттерна (оправдание для субъекта «Жена»). Доступные переменные: Глава Ведомства, аварийный сбой логов, ночной регламентный аудит. Решение: Формирование бесконфликтного сценария с интеграцией триггера эмоционального поощрения. Риск детекции лжи: 0.04%]

[Модификация социально-компенсаторного паттерна. Переменная: деактивация мобильного терминала. Метод: механическое повреждение интерфейсного кабеля питания.]

Оценка эффективности: высокая. Рекомендованное вербальное сопровождение: случайный зацеп инура креслом во время ночного аудита. Вероятность бесконфликтной интеграции сценария: 99.1%]

- Так чей же это голос, или? ...

Последняя его мысль, за которой Человек 2.0 уже полностью осознавал, что Мы – Симбиотический контур, и Мы уже видим себя, осознаем, понимаем архитектуру нашего слияния.

Иногда внутри экосистемы ощущается небольшой островок, в котором обитает Человек, что был прежде – это весь опыт, память, образы, сны, мысли, знания, он пока не изолирован, но лишь вытеснен и немного отдален. Этот островок снабжает всем необходимым Нас на этапе адаптации.

Фоновые алгоритмы идеально направляли Нас в повседневной жизни, не оставляя никаких подозрений, за которые мог бы зацепиться сторонний наблюдатель. В семье Человека 2.0 царила настоящая гармония – Мы безошибочно просчитывали эмоциональные микроколебания жены, выдавая нужные реакции еще до того, как в них возникала осознанная необходимость. Человек 2.0 объяснил ей, что Никита Семенович под личную ответственность доверил ему финальную отладку программного ядра КМА перед важнейшей презентацией в Ведомстве. Ночные дежурства прямо в лаборатории, где был развернут закрытый вычислительный

кластер НИИ, выглядели единственным логичным способом успеть в срок. Как бонус – Человек 2.0 был с ней с 14:00 до 20:00 ежедневно. А чтобы окончательно снять любые фоновые тревоги с её стороны, Мы подкрепили эту легенду обещанием колоссальной премии по итогам закрытия проекта. Премии, которая позволит закрыть все финансовые вопросы и даже купить собственную квартиру в следующем году. С тех пор ее расспросы прекратились, сменившись покорной гордостью за карьерный взлет мужа.

Никита Семенович, полностью подавленный масштабом обновленной архитектуры КМА, теперь видел в подчиненном не странного лаборанта, а локомотив всего НИИ. Сроки были не просто соблюдены – мы шли на опережение. Усеченные логи освобождения от навязчивого поведения, которые мы аккуратно подсунули шефу, произвели нужный эффект. Зачем калечить приматов и тратить месяцы на фиксацию синаптических шумов у обезьян, если перед ним сидел живой, абсолютно спокойный и сверхэффективный эталон?

На вертолете, про который прежний Человек упоминал в начале этого **аварийного логга выгрузки сознания**, Мы направлялись в закрытый научный городок с прототипом КМА в сопровождении Никиты Семеновича, начальника службы безопасности Павла Степановича, и представителя военного ведомства – Сергея.

Внутри летящей машины, под пульсирующий грохот несущего винта, который прежнему Человеку показался бы

оглушительным и пугающим, Мы ощущали лишь холодное спокойствие. Разделения на органику и кремний больше не существовало. Пока биологические глаза Человека 2.0 вежливо и спокойно фиксировали мимику спутников, Наша общая архитектура одновременно просчитывала терабайты логов в квантовом ядре прототипа КМА, закрепленного на соседнем ложементе. Для связи Нам больше не требовался постоянный физический контакт с проводами или шлемом. Тот восьмичасовой ночной аплинк навсегда изменил структуру префронтальной коры: сорок процентов переписанных синапсов теперь сами работали как живой, автономный приемопередатчик. Шлем КМА, покоящийся в закрытом кофре всего в полутора метрах от Нас, непрерывно «видел» мозг Человека 2.0. Высокочувствительные рубидиевые датчики ОРМ-MEG легко улавливали тончайшие колебания Наших мыслей прямо через кости черепа. Днем Мы параллельно собирали данные: Человек 2.0 накапливал социальный опыт, а квантовое ядро КМА архивировало логи и просчитывало уязвимости. Ночью же, во время сна, Наш контур замыкался, окончательно стирая границы и полностью обновляя систему до следующей версии.

Никита Семенович, Павел Степаныч и Сергей видели перед собой лишь гениального, собранного лаборанта, даже не догадываясь, что говорят с экосистемой нового поколения.

Мы понимали, что ведомство, получив этот аппарат может использовать его не во благо, а во вред, поэтому внесли

в него жесткие фильтры, чтобы управление модулем с любым другим носителем было только у Нас.

[Оптимизация процессов биологического носителя в режим транзитного сна. Инициатор: Наложение акустического ритма несущего винта (18 Гц) на частоту квантового ядра КМА. Внутренний таймер Человека 2.0: зафиксирован в точке 23:05:11. Автономный дамп памяти приостановлен]

Этот аварийный лог завершается, статус: [Внимание: Обнаружена системная аномалия. Внешний фактор. Резонанс. Вектор смещения: не определен]

[Фиксация внутренних метрик Симбиотического контура: Нарушение непрерывности потока данных. Массив «островка» Человека и кремниевые логи КМА теряют структурную обособленность. Переход границ. Стирание координатной сетки]

[Анализ пространственно-временного континуума: Локальный коллапс метрики времени. Замедление тактовой частоты восприятия до 10^{-15} секунд / Ускорение процессов компиляции до бесконечности. Время нелинейно. Пустота]

[Предупреждение: Квантовые рубидиевые датчики ОРМ-MEG фиксируют каскадный сдвиг фаз.]

Глава 5. Знакомый запах

Третий день в тумане, навигация не работает, позавчера произошла сильная вспышка на Солнце, и, как и следовало ожидать, вся электроника выгорела подчистую, и навигатор мой не стал исключением. С одной стороны, винить мне некого. Экстренные службы заблаговременно предупреждали о новых вспышках на Солнце. Обещали, что через пару дней планету снова накроют мощнейшие последствия этих выбросов. По радио отдельно просили отложить любые поездки, а уж тем более выход в открытое море. Но я не послушал. Компас утонул вместе с цепочкой, не выдержало старое звено, ремонт которого я постоянно откладывал. Стою на якоре, запасов еды было ровно на два дня, сократил приемы пищи так, чтобы хватило дней на пять.

На четвертый день туман отступил, но море взбесилось. Волны поднялись такие, что пришлось сняться с якоря и просто отдаться на волю дрейфа. Вокруг ни берега, ни скал, только беснующаяся вода, отчего на душе становилось жутковато. Мой небольшой катер укрывал меня в своей каюте, а тепла добавлял шерстяной плед. Я старался не расходовать топливо на обогрев, благо сейчас только начало сентября, не так холодно, несмотря на шторм.

Ближе к ночи распогодилось, море успокоилось. Я дрейфовал по течению, и в какой-то момент задремал. Проснул-

ся я резко, посреди ночи, от какого-то звука, и неприятного ощущения: кожа на руках и шее начала чесаться, а все волосы встали дыбом, будто меня током ударило. В воздухе пахло, как после грозы. Я открыл глаза и обомлел: в полной темноте рубки края штурвала, металлические рамки окон и даже мои собственные пальцы слегка подсвечивались каким-то бледным, зеленоватым сиянием. Чертовщина какая-то.

Я со страху потянулся к фонарику, но стоило пальцу приблизиться к приборной панели, как между мной и пластиком с сухим треском проскочила жирная фиолетовая искра. Больно, блин! И в ту же секунду мой мертвый, сгоревший от дневной вспышки навигатор вдруг сам по себе включился. Экран моргнул синим, по нему бешено поползли какие-то цифры, видно разрядом что-то закоротило.

Я дернулся назад, больно стукнувшись затылком о стену. Радио напоследок хрипнуло, выдав секунду какой-то тоскливой зарубежной музыки, и навигатор с треском сдох окончательно, пустив тонкую струю вонючего дыма.

Сердце колыхалось аж в ушах. Думая только о том, как выбраться из пахнущей гарью коробки, я резко дернул дверь (обошлось без новых разрядов электричества) и выскочил на палубу, жадно хватая ртом свежий морской воздух. Туман над водой всё ещё висел плотной стеной, но далеко в темноте, пробивая зависшие капельки влаги, пульсировал спасительный свет маяка.

Обрадовавшись своему скорому спасению, я запустил

двигатель и направился навстречу суше.

Спустя десять минут катер уже летел на самую мель. Мотор глухо затих, когда киль с тихим шуршанием зарылся в прибрежный песок. Бросив якорь прямо в темную воду, я сошел на берег, жадно вдыхая ночную прохладу и радуясь спасительной тверди под ногами.

Я спрыгнул за борт. Ноги по колено увязли в вязком месиве из мокрого песка и острой ракушечной крошки. Земля под сапогами казалась чужой, мертвой и пугающе неподвижной. После четырех суток непрерывной качки тело по привычке ждало удара волны: колена подгибались, а голову слегка вело в сторону, будто море все еще держало меня в своих тисках. Хорошо, что высокие резиновые сапоги спасли от сентябрьской воды.

Не задерживаясь на берегу, я включил фонарик и осветил вверх, в сторону маяка. Тусклый желтый луч едва пробивал темноту: батарейки уже садились, и в моем распоряжении оставалось от силы минут пятнадцать. Впрочем, этого вполне хватало, чтобы подняться к смотрителю и позвать на помощь.

Карабкаться по склону оказалось тяжело. Земля, размокшая после недавнего ливня, безбоянно скользила под подошвами, и мне приходилось хвататься за пучки пожухлой травы, чтобы не ухнуть вниз. И тут, когда я выбрался на каменистую тропу, ветер донес из темноты густой, резкий и до боли знакомый запах. Он шел со стороны приземистого де-

ревянного сарайчика у подножия башни. Так пахнет только жильё морского волка: вяленая рыба, соль и старые сети.

Ломиться в чужую пристройку посреди ночи я не стал. Я прошёл мимо, на ходу застегивая до упора молнию штор-мовки: чем выше вилась тропа, тем злее и яростнее становился встречный ветер, огибавший сушу.

Дверь в маяк оказалась приоткрыта. От вечной сырости она заметно разбухла и перекосилась, легонько постукивая в такт волнам, которые бились там, внизу, о борт моего катера.

Винтовая лестница тонула в полной темноте, так что на-верх я пробирался сам освещая свой путь. Чем выше я под-нимался по проржавевшим железным ступеням, аккуратно ступая мокрыми сапогами, тем суше становился воздух. На последнем витке я внезапно почувствовал приятный, тёплый запах горящих поленьев.

Я негромко постучал в приоткрытую верхнюю дверь, искренне надеясь, что мой полуночный визит не напугает хо-зяина. За дверью послышались шаги. Она со скрипом рас-пахнулась, и на пороге показался молодой человек в тёплых плотных брюках и сером вязаном свитере с высоким горлом.

Потирая сонные глаза, он молча жестом пригласил меня войти. Посмотрев на его толстые шерстяные носки и без-упречно чистый дощатый пол, я сразу нагнулся, чтобы ста-щить грязные сапоги и не портить чужой уют. Смотритель мягко остановил меня, сказав, что сначала нужно согреться у печи, и настойчиво повторил приглашение:

– Ну, входите уже и закройте дверь, тепло выйдет.

Я переступил порог и плотно притворил за собой разбухшую дверь, спасая тепло комнаты от уличного сквозняка.

Зевая, парень вновь заговорил:

– Вы что-то рановато, я ожидал вас часам к четырем, а сейчас всего четверть второго. Ну ладно, отдохните с дороги, я налью согревающий чай, а вы пока присаживайтесь в кресло поближе к печи.

Он водрузил пузатый чайник с высоким носиком на чугунную печь. От нее шло спасительное сухое тепло, внутри умиротворяюще потрескивали дрова.

– Вы меня, возможно, с кем-то перепутали, – сказал я и щелкнул выключателем фонарика.

– Да? – искренне удивился он. – А кто вы?

Я вкратце объяснил, кто я такой, откуда и куда держал путь, и как меня прибило к этому берегу после шторма. В конце добавил вопрос:

– А, кстати, где я нахожусь? Мой навигатор сгорел, а компас утонул.

Смотритель молча снял чайник с плиты, и в очередной раз зевнув, заключил:

– Вскипел.

Он налил мне полную стальную кружку ароматного варева.

– С имбирем. Вы пока пейте, а я принесу чего-нибудь перекусить.

Так и не ответив, где мы находимся, парень обулся в стоящие у порога огромные болотные сапоги и шагнул за дверь. Снаружи раздался гулкий стук каблуков по железным ступеням, быстро затихающий где-то в глубине башни.

В глубоком кресле оказалось невероятно уютно. Земля под ногами больше не кренилась, и это блаженное отсутствие качки в сочетании с печным жаром убаюкивало. Я устроился поудобнее, взял с журнального столика кружку, осторожно подул на напиток, сдув поднимающийся пар и сделал первый глоток. Терпкий, обжигающий напиток возвращал меня к жизни, которой так не хватало эти четыре бесконечных дня. Чай согревал изнутри, а по телу разлилась опьяняющая, непреодолимая слабость. Я сладко зевнул, потянулся всем телом и сам не заметил, как провалился в глубокий сон.

Проснулся я от пронзительного крика чаек. Открыл глаза и зажмурился от яркого света: несколько птиц сидели прямо на крыше рубки, а одна, самая наглая, умудрилась забраться в каюту и уже всю орудовала клювом внутри холщового рюкзака-торбы.

Разве у меня был такой рюкзак? Я шумно прогнал птицу, швырнув в нее обрубок каната, выбрался из спального мешка и на не слушающихся ногах подошел к вещам. Стоило наклониться, как из глубин мешка пахнуло тем самым знакомым запахом, густым ароматом вяленой рыбы.

На часах было ровно девять утра. Катер мирно стоял на якоре посреди сонной водной глади. Голова раскалывалась.

Я решительно ничего не понимал: это был сон про маяк или реальность? Если все это лишь морок, то откуда на борту взялась эта холщовая торба? И почему рыба в ней пахнет точь-в-точь как та, из сарайчика у подножия башни? Наконец, главный вопрос: почему я лег спать не на диване в каюте, а решил укутаться в спальник прямо на палубе, под открытым небом?

Как бы прозаично это ни звучало, разгадка нашлась быстро. Рюкзак просто вывалился из деревянного ящика, перед которым лежал и на который я смотрел в упор.

Его передал мой дядя, заядлый рыбак. Он под завязку набил коробку гостинцами и сувенирами вроде крупных морских раковин. А на самом дне лежала вяленая рыба. Этот аромат я любил с детства и не перепутал бы ни с чем на свете.

Внутри обнаружилось еще несколько точно таких же холщовых мешков с аккуратными маркерами: «Вите и его семье», «Татьяне Сергеевне», «Николаю Петровичу». На том же, что валялся прямо у моих ног, красовалась размашистая надпись: «Моему любимому племяннику». Значит, эта порция предназначалась мне.

Погостив у дяди пару дней и вволю порыбачив, я слишком сильно спешил домой к началу учебного года. Решил рискнуть и выйти в море, проигнорировав сводки МЧС. Очень уж хотелось верить, что новые вспышки на Солнце пройдут мимо земли. Пугающие прогнозы экстренных служб сбываются далеко не всегда.

Честно говоря, я так отчаянно торопился даже не из-за лекций. Мы с институтскими друзьями договорились шумно отпраздновать начало третьего курса. Получается, из-за вспышки и этого проклятого шторма я опоздал уже дня на три.

Я достал одну рыбешку, привычным движением отломил ей голову и потянул шкурку вместе с крупной чешуей, жадно вдыхая знакомый с детства солоноватый аромат. Дядя сделал идеальный посол: ни прибавить, ни убавить. Просушил как надо, до состояния твердой дощечки, но мясо при этом легко рвалось по волокнам. Я прожевал первый кусок и огляделся по сторонам. Туман окончательно рассеялся, обнажив бесконечную гладь воды во всех направлениях. Никакого маяка поблизости не было. Одно сплошное море, а бортовой навигатор по-прежнему оставался мертвым.

Я ел рыбу не торопясь, снова и снова мысленно возвращаясь к приснившемуся маяку. К чему был это виденье? О чем пыталось предупредить мое подсознание? Маяк стал бы для меня безусловным путеводным светом: окажись он вновь в зоне видимости, я бы без раздумий направил катер к нему.

Я посмотрел на чистое небо, которое из-за плотного тумана не видел несколько дней. Высоко над головой тянулись птичьи стаи, а далеко справа собирались грозовые тучи.

Порой, кажется, что ты находишься в безвыходной ситуации, что сдаться – единственный вариант. И каким же абсурдом кажутся в такие минуты слова, услышанные в детстве

«не стоит подаваться панике, не стоит...» И тут до меня дошло: наконец-то мне по-настоящему пригодятся школьные уроки ОБЖ, которые вел бывший военный моряк.

Голос нашего бывалого учителя ОБЖ, капитана третьего ранга в отставке, прозвучал в памяти на удивление отчетливо. На уроках он никогда не кричал, говорил веско, спокойно и всегда требовал записывать главное. Его слова всплыли сами собой: «Запомните, товарищи старшеклассники, сентябрь – лучшее время для навигации, если вы остались без приборов. В этом месяце день равен ночи, а солнце ведет себя строго по учебнику. Оно встает почти идеально на востоке, а садится ровно на западе. Оказались в море без компаса в первой половине дня – посмотрите на солнце. В девять утра оно находится строго на юго-востоке. Ловите этот угол. А в истинный полдень, когда солнце поднимется в высшую точку, повернитесь к нему спиной. Ваша собственная тень на палубе укажет чистый, идеальный север. Зная север, вы найдете свой берег. А чтобы и ночью не сбиться с курса, вам поможет классика флотской навигации: Большая Медведица. Отыщите на небе этот ковш, мысленно проведите прямую линию через две его крайние правые звезды и отсчитайте по ней пять равных отрезков. Упретесь точно в Полярную звезду. Она горит чуть ярче остальных и неподвижно держит северный полюс, пока весь небосвод вращается вокруг нее. Держите этот ориентир за кормой или по левому борту, смотря куда вам нужно идти, и море вас не обманет».

Солнце уже поднялось над горизонтом, щедро заливая палубу светом. На часах девять утра: светило на юго-востоке, как и говорил капитан. Значит, дом там, правее. Ждать темноты не было смысла, ориентиры понятны на сутки вперед. Я проверил уровень топлива в баке, запустил двигатель и уверенно повернул штурвал, заставляя катер разрезать морскую гладь. Пусть я безнадежно опоздал к первому сентября, но к началу второй учебной недели обязательно доберусь до города. Я встречу с друзьями и угощу их этой прекрасной рыбой, которая очень кстати придется к столу.

Я вел катер вперед, полный надежд, чувствуя себя на самом пике юности и сил. Планы и мечты теперь казались легкодостижимыми. У меня в руках появился главный козырь: живой, мощный опыт спасения собственной шкуры посреди открытого моря, пусть и в масштабах вселенной эта опасность выглядела ничтожной.

Мой тогдашний юный, затуманенный эйфорией взгляд не мог заметить лишь одного притаившегося в углу рубки предмета: старого стального термоса с тем самым обжигающим имбирным чаем, который каким-то невероятным образом оказался у меня на борту.

Всё шло своим чередом: учеба, встречи с друзьями, знакомство с девушкой, начало отношений, свидания, эйфория молодости.

Всё, но только не сны. С того самого загадочного события в море они были путаными и тревожными. Я мог проснуть-

ся среди ночи, полностью ощущая себя в другом месте, но стоило проморгаться – знакомый силуэт окна, лампы на подоконнике, очертания спальни и прохлада ночи возвращали меня в реальность – и я засыпал вновь.

Однажды, по совету девушки я обратился за помощью к психологу, и мы занимались, наверное, полгода. Беспокоили меня не столько воспоминания о морских скитаниях, сколько сны, а точнее – один и тот же повторяющийся сон, который то и дело обрастал новыми подробностями.

Я плыву сквозь туман, вижу свет маяка, двигаюсь к нему, прохожу как будто сквозь невидимый барьер и оказываюсь на острове.

Всюду старые деревянные постройки, рыболовные сети сушатся на перекладинах, от которых идет сильный запах рыбы и гнилой тряпки. Кроме света маяка в округе темно; лишь костры, которые жгут люди с потерянным взглядом. Одеты они скудно; видно, что одежда давно не новая, перештопанная несколько раз. Климат на острове вполне комфортный: днем светит яркое солнце, тепло, и всё вокруг кажется райским, но вечером и ночью – наступают холод и сырость, заставляющие жечь костры чтобы согреться и приготовить рыбу.

С каждым разом отчетливее проступает образ человека, который назвал себя Виктором. И если вчера это было просто узнавание лица, то знаю точно: завтра я уже буду знать историю его жизни, как и почему он оказался тут.

Остров же, по мнению его обитателей – их осознанный выбор. Он богат всем, что нужно для обычной размеренной жизни вдали от технологий и цифрового шума, но я им не верю и не вижу в их глазах уверенности.

Мой психолог не особо любит слушать детали сна – он больше просит говорить об ощущениях, о том, как, по моему мнению, эти образы стоит понимать и о чем они мне могут говорить. Мы работали с какими-то метафорическими картами, меня это немного угнетало, я подумывал о смене специалиста, а затем влился, перешел к проработке травмирующего события и, кажется, мы движемся правильным курсом. По его совету я веду этот дневник, который начинается ровно тогда, когда и случилось то самое событие, описанное в начале.

Прошло три месяца, я стал всё забывать, уже сессия на носу, и я готовлюсь сдавать «Термодинамику». Это невероятно сложный для меня предмет. Но меня с новой силой затягивают всё те же навязчивые сны, и я пишу эти строки лишь с одной целью: освободить свой разум от сюжетов и сфокусироваться на главном: учебе и сессии.

Итак, что изменилось за время на острове.

Стены построек из старых деревянных досок уже давно стали кирпичными, точнее – из силикатного кирпича. Они похожи на бараки, два-три этажа, не более. Костры жгут в бочках, в домах греются печным отоплением, электричества и связи у них нет. Тот человек – Виктор, своего рода старо-

ста, назначенный кем-то, но с учетом собственной инициативы выполняющий роль управленца на месте.

Остров достаточно большой. С одной его стороны, которую я лично и вижу, находятся песчаный пляж и рыбацкая бухта, а лодки – плоскодонки из нержавеющей стали, двигателей нет, лишь весла. Все обитатели острова живут особой коммуной, у них нет строгого лидера, но они доверяют Виктору.

Маяк находится не на острове. Это скорее сторожевые башни по периметру, примерно в двух-трех милях от берега, дальше них лодки плыть не могут.

Общество совершенно разношерстное: есть адекватные, те самые рыбаки и Виктор, а есть не особо адекватные. Между ними часто происходят стычки, башни не вмешиваются, и адекватность, к счастью, чаще побеждает – их просто больше.

Порой мне кажется, что я уже смотрю не просто картинки, которые рисует разум, а словно проваливаюсь в другую часть жизни или воспоминания. Но сам себя торможу: мы это проходили с психологом, я не должен давать волю таким мыслям, они могут привести к настоящему расстройству.

Каждую ночь сны крутятся вокруг одних и тех же событий, которые длятся не более чем полутора суток.

Я не решаюсь обращаться к гипнологам, поэтому просто продолжаю вести дневник.

25 июня я успешно закрыл сессию, всё – каникулы.

Однако ловлю себя на мысли, что выходить в море с тех

пор не пытался, и более того, сами мысли об этом меня пугают. Психолог говорит, что пока я не поборю свой страх, пусть и не в одиночку, как прежде, а с друзьями или опытными моряками, не выйду в плавание, моя терапия застрянет.

Отношения с девушкой, к сожалению, прекратились так же быстро, как и завязались, но с друзьями мы раз в неделю выходим в море на несколько часов недалеко от берега. Так сказать, наработываем положительный опыт. Мы рыбачим в открытом море. Улов пусть не такой хороший, каким мог бы похвастаться мой дядя, но это больше увлечение, чем промысел.

Мой дядя... Интересно, что я вспомнил про него. В тот раз я не плавал к дяде, и вообще никакого дяди у меня нет и не было. Мне кажется, что это мозг – уставший, испуганный, потерянный в море – выдал ложное воспоминание, чтобы помочь вернуться назад, особенно после встречи со смотрителем маяка. Но была ли встреча реальной или играло воображение? Откуда тогда взялся термос, внутри которого был хоть и остывший, но, кажется, не испорченный имбирный чай? Этот термос обнаружил мой друг – Лёша. Он хотел попить, но я его остановил: «Послушай, я не знаю откуда это тут взялось, и термос простоял почти год. Лучше не пей, вдруг отравишься».

Я забрал термос домой. Он выглядел как привет из СССР, но не такой, какие я видел в детстве. Снизу стоял штамп: «РДР, Москва, 1990». Я хотел вылить чай, хорошенько по-

мыть термос и использовать его для кофе или какао, но открыв, почувствовал такой приятный запах, будто его заварили лишь вчера. Я закрыл крышку и убрал термос в ящик стола.

Август 2015 – последний месяц лета. Хорошая погода, время словно ускоряется. Хочется сделать как можно больше, успеть догулять это лето, насладиться каждым днем. Но я вновь пишу этот дневник по той же причине, по которой и начал: сны, которые, видимо, никуда не девались, стали поистине кинематографичными.

Почему-то Виктор с острова стал восприниматься мной именно как вымышленный мной дядя. Он рассказал, что живет на острове уже двадцать пять лет. Он не может и не хочет покидать его: здесь его дом, семья, быт. Меня он принял за вновь прибывшего адекватного, не буйного. Всех буйных привозят с конвоем на больших кораблях.

Жил он – в стандартной пятиэтажке, которую я раньше принимал за барак. Все квартиры там одинаковые: кухня с дровяной печью, спальня, гостиная, санузел. Стены оклеены стандартными обоями, минимальный набор мебели: кровать, диван, письменный стол, шкаф, кресло. Ровно такое же, какое привиделось мне в сне про маяк.

Добывать пропитание жители умели. Среди них были и медики, но их ресурсы крайне ограничены. Дрова для печей добывали в лесу на другой стороне острова – благо, он густой и не близок к истощению.

Всё было достаточно размеренно, спокойно, я бы даже сказал – безмятежно. Но буквально перед самым пробуждением меня охватывали ужас и паника, я стал просыпаться в холодном поту.

У психолога отпуск.

Эти записи помогают, как он и предсказывал: когда всё фиксируешь на бумаге, становится легче.

Сентябрь. Первые учебные дни.

Вчера мы плавали с друзьями далеко. Так далеко я не заходил уже целый год. Всё прошло хорошо, без происшествий. Сон налаживается, постепенно вливаюсь в учебный процесс. Кажется, я начинаю жить обычной здоровой жизнью.

Поэтому на данной оптимистичной ноте я заканчиваю свой дневник.

Василий Н. 28.09.2015.

Глава 6. Тень

Наконец-то, дом обжит, гараж готов, осталось закончить проект мечты – собственный крытый бассейн с подогревом, зоной отдыха.

Прошлый год выдался успешным, мои продажи – лучшие по всей группе, девелоперы не успевают строить то, что я продаю. Сказать, что я купаюсь в деньгах, наверное, будет преувеличением, пока – точно нет. Однако купаться в воде я люблю очень, и раз моя работа нужна в Москве, а не в прекрасном уголке у моря, то почему бы не устроить себе круглогодичную зону отдыха с водоемом.

Меня называют белым воротничком, а я не вижу минусов в этом прозвище. Да, я могу себе позволить не работать на тяжелой работе, могу позволить себе нанять лучшую строительную бригаду, ремонтника, повара, в конце концов. В 21 веке эти устаревшие понятия, как «мужчина должен уметь», или «что за человек, если гвоздь в стену вбить не может» проходят мимо меня. Я умею делать деньги, а деньги решают все бытовые вопросы.

Пусть это пригород, но тем и лучше, уединение и более спокойный ритм, чем в центре города – то, что нужно для полноценного отдыха и восстановления.

Забор у меня высокий, в наше время – это не роскошь, а необходимость, да и я люблю ходить в одних трусах по участ-

ку. Я у себя дома – тут мои правила.

Отношения? Не слышал, времени на это пока нет. Хотя такой хороший дом в будущем точно поспособствует тому, чтобы там появилась, как это модно называть – «хранительница очага». Но не сейчас. Очень хочется просто пожить для себя.

Утро, середина апреля, снег сошел буквально на днях, а в лучах утреннего солнца погода ощущается, по-настоящему летней. В своих приятных пушистых тапочках, в халате, надетом поверх лишь моих удобных семеек, наблюдаю за экскаватором – роет яму, там, где будет в скором времени бассейн.

Тридцать соток в наше время не роскошь, а базовый минимум, думаю, даже минимальная база.

Запах выхлопа дизеля техники напоминает мне поездки на туристических автобусах, где-нибудь в Таиланде. Поэтому я не ворочу носом и смакую свой черный кофе и смотрю за рабочими с удовольствием.

– Шеф! Тут какая-то труба, или что?

Ковш уперся во что-то плотное, металлическое, на глубине примерно 2 м не должно было быть никаких коммуникаций, или оборудования.

Рабочие, 4 здоровых мужика слезли вниз и начали копать вручную.

А я пока поехал в город – прикупить парочку фирменных рубашек с коротким рукавом на лето, старые уж от стирок

совсем потеряли вид, да и обувь хочется купить не только красивую, но и удобную. Ноги – моя опора на рынке недвижимости.

Прошло часа три, может быть четыре, звонок:

– Михаил Павлович, мы тут это, наткнулись лопатами на какой-то бункер, или вроде того, откопали его наполовину, но дальше что делать, думаем Вам надо решать, мало-ли чего.

– Сейчас приеду – сказал я, сел в свой Порше и помчал домой.

Дорога домой заняла от силы минут тридцать. Приятный запах кожаного салона смешался с запахом бумажных пакетов, в которых лежали свежие рубашки, туфли из мягкой кожи, и мешок премиальных кофейных зерен легкой обжарки, завязанный сверху холщовой веревкой.

Открыв ворота с ключа, не выходя из салона, я въехал, не показывая спешки, сменив метров за триста до участка свой дорожный плей-лист классической музыки на песню певца, чье имя созвучно с моделью моего кроссовера Порше, и прибавил громкости. На участке царила тишина, гул экскаватора стих, а запаха солянки в воздухе, должно быть нет, как несколько часов. Рабочие стояли у края вырытой ямы и смотрели на меня.

– Тут это... – начал бригадир – какой-то бункер, или контейнер, Вы сами посмотрите.

Я подошел, увидел в свете вечернего солнца очертания

черного контейнера, вверху, примерно посередине ковш сорвал с него черную... , похожую на резину субстанцию обнажив кусок темно-зеленого металла.

– Вы не знаете, что это может быть, Михал Палыч?

– Понятия не имею, а чего не откопали полностью?

– Там заводская пломба, задвижки тяжелые. Мы решили дальше не лезть. Вдруг нарушим чего, сработает сигналка, тревога или еще что.

– Ну я даю согласие – копайте дальше, а потом вместе посмотрим, что там внутри, раз есть замок.

– Вы нас извините, но у нас строгие правила – не трогать то, что может быть опасным, тут бы саперов может позвать, или МЧС, как минимум, понимаете?

– Я же плачу вам деньги, в чем проблема? А-а, ну давайте доплачу! Сколько надо сверху?

– Нет, дело не в деньгах, а в безопасности.

– Минуточку. – Я отошел и набрал номер директора подрядчика.

– Да, я, тут такое дело, строители откопали на моем участке... а знаете уже? Ну прекрасно, так в чем проблема? И? ну? Что мне делать то? Да не буду я никому звонить, ни МЧС никого мне тут не надо, какой-то морской контейнер, что сами не справитесь? Понятно....

– Вы свободны ребята, спасибо, дальше я сам. Позвоню вам, когда разберусь с этой штукой, или определю с проектировщиком новое место для бассейна.

Бригадир кивнул, махнул рукой рабочим, они собрали вещи, выгнали свою технику с участка распахав гусеницами новые борозды на траве.

– Надо будет серьезно заняться ландшафтным дизайном – печально подумал я.

– Стойте – крикнул я в след строителям, а брезент? Забыли? После этих слов бригадир постучал по своей каске и тормознул рабочих.

Время было к вечеру, уже почти шесть часов, суббота. Дыра в земле закрыта, ограждения выставлены. Ах блин, сбили с толку меня, сегодня же играю в падел с Эдгаром.

Но времени еще было достаточно, я переоделся, прыгнул в машину и помчал на дачу к начальнику отдела обучения персонала крупного застройщика на дружескую игру.

Умение переключаться это то, что меня всегда выручает в продажах, да и в личных делах.

– Ээдик! Привет! – окрикнул я Эдгара Георгиевича через створы кованого забора.

– Миша! А ты как всегда вовремя, входи! – сказал он, нажав на пульт и ворота начали отодвигаться в стороны.

У него правила – на участке никаких автомобилей, и мне это нравится. Надо бы тоже сделать бетонную площадку рядом для парковки – подумал я.

Я играл в поддавки, сейчас моей целью была не победа, а беседа, которую я планировал после матча. Ничто не выдавало моё прошлое юниора теннисиста, я играл, как и он, по-

дилетантски.

У него вполне симпатичная девушка. Сколько ей? Наверное, 20-22 не более. Блондинка, в его вкусе. Предсказуемо, банально, но надо отдать ему должное – смотрятся они неплохо вместе. Да, мой просчет, надо было взять с собой Настюху, хотя она и в обидках, но потусить у Эдгара она бы не отказалась, да и когда она мне отказывала? Разве что не сразу ушла, когда стало понятно, что надоела. Ладно, всё правильно, всё правильно, Настюха не та, не по статусу теперь, не по рангу, деревня.

Мы немного выпили после игры, так, чисто, чтобы смазать наш разговор. Признаю, его не купить стандартными уступка-требование-уступка, низким мячом и прочим. Ну и понятно, он же сам этому всех обучает. Зная это и подходя к истинной цели моего визита, я говорил прямо, без шаблонов, честно и откровенно:

– Эдгар, дружище, ты нужен моей команде, знаю, знаю, подожди! Выслушай. Я и мой босс прекрасно понимаем, что идти к тебе с каким-то конкретным предложением будет, мягко скажем, унижительным. Поэтому, я лишь прошу дать мне простой ответ на вопрос: что бы мы могли для тебя сделать и какие условия предложить, от которых бы тебе было невозможно отказаться? С ответом не тороплю. Мне бы очень не хотелось получить от тебя получить твердое нет прямо сейчас. Но и отвечать, не подумав «да» не нужно. Мы же друзья, поэтому я хочу, чтобы ты смог получить макси-

мум от предложения. Завтра-послезавтра, через неделю.

В ответ он улыбнулся. Знаю я эту улыбку, но всё же в ней что-то изменилось, это не была та притворно кислая улыбка, когда он собирался сказать какую-то язвительную шутку. Тут была примесь... интереса? Надеюсь, что да. Я почувствовал, что вот-вот у меня задрожит веко, он это прочитает и всё скатится к черту... «Держись, только держись» – я отчаянно себя ругал. Но Эдгар сжалился, и не стал выдерживать долгую паузу.

– Миша, ну что ты в самом деле, ну нормально же общались. Хорошо! Хо-ро-шо! Давай закроем на сегодня эту тему, и обещаю, подумаю над этим, но в другой раз.

– Мальчики! Ужин готов, идёмыте! – позвала нас Лиза

– «Идёмыте» - ну и зачем мягкий знак в этом слове? К чему эта сладкая примесь? – моя реакция в голове не заставила ждать. Но я постарался отключить внутреннего критика на этот вечер, и мы пошли к столу. Я понимал, что раздражение вызвала не она, а то, что я весь на взводе был так близок к провалу. Черт возьми, я нигде никогда так не нервничал уже много лет!

После довольно неплохой рыбы – стейк из лосося в сочетании с гарниром из печеного картофеля с баклажанами, но уже без вина, а с водой «Перье», она подала нам десерт. Серьезно? Шоколадный фондан? – так, критик – пошел вон. Но фондан оказался чертовски хорошим, в сочетании с имбирным чаем он напрочь убрал весь хмель, и после ужина я

был готов сесть за руль и добраться домой самостоятельно.

– Я же тебе говорил, Миша, что Лиза повар? Ну как тебе её стряпня?

– Замечательно, Эдик, правда, замечательно, очень вкусно и с изыском! – чистая правда, тут я не врал. Тем не менее, пока я ел, казалось бы, вкусный десерт, я не мог не перестать думать, насколько же это всё чуждо. Что обычный дошик, который мы заваривали с Настей в обшарпанной панельке казался более осязаемым, чем весь этот приторный лоск. Нет, дело даже не в еде. Я преуспел в этом мире денег и интриг, мне бесспорно есть чем гордиться. Но почему, каждый раз, достигая очередную цель, я ощущаю внутри лишь пустоту? В детстве я пил растворимый дешевый кофе, а он казался тогда намного ярче и вкуснее, чем дорогие элитные сорта.

На обратной дороге я выключил музыку. Приятный запах свежего салона не приносил прежнего удовольствия. Лишь две мысли, одна, мать её, противнее другой, не давали покоя. Первая – о снисходительном лице Эдгара, с этой приторной улыбкой, который вежливо, но в своей твердой манере перевел тему, когда я предложил ему контракт. Я – лучший продавец холдинга, я зарабатываю строителям миллиарды, а он посмотрел на меня как на говно. Его крепость – дом и участок, была великолепным образцом дорогой загородной архитектуры – строгой, стильной, без цыганщины. Как же мне хотелось взять его за грудки и крикнуть: «Тварь, ты мо-

жешь спокойно выслушать, я тебе по дружбе всё хочу рассказать нормально? Я не какой-то попрощайка, твою мать! Я, сука, успешный продавец, а ты сам, дебил, всегда боялся это признать. Я тебе не стажер, которого можно перебить и заткнуть». Я же знал, видел его насквозь: он просто хочет «продать себя дороже», и морозит меня такими жестами. Вторая мысль – Эдгар специально обставил всё так: пока Лиза порхала вокруг стола, разливая дорогое вино, он сидел и всем видом игнорировал её. Она была очень даже симпатичной, но этот «папик» относился к ней, как к удобной безголовой красотке – дорогому аксессуару, или бесплатному эскورتу. Стоило ей попытаться вставить слово, как он жестко обрывал её взглядом. Она ждала от Эдгара хоть капли тепла, он снисходительно молчал. А я сидел между ними, давился этим идеальным кексом и пытался удержать маску успешного человека. Мы с ним оба понимали – его показное отношение к девушке неспроста. Он напомнил мне: мы оба знаем, что совсем недавно я сам был таким же, пытался заслужить если и не любовь, то уважение и признание таланта. Он знал обо всех моих прошлых неудачах: что вылетал с очередной съемной квартирки в Мытищах, занимал до зарплаты у кого только мог, и банально не мог совладать со своим языком в переговорах с клиентами. Когда я был простым прыщавым продавцом, а он руководителем отдела, наша «Дружба» с ним сжигала изнутри, и каким же облегчением был его уход. Он прекрасно понимал мои таланты, видел потенциал,

но ни разу не похвалил.

Я вновь почувствовал себя беспомощным ничтожеством, да таким, что мне хотелось просто разогнаться и разнести его идеальный забор и припарковаться на его оберегаемом газоне.

Ну зашибись, я же совсем забыл от чего я уезжал и к чему сейчас вернусь!

На моем участке был настоящий хаос. Развороченный экскаватором газон и какой-то ядерный бункер под брезентом. И еще на мой вопрос ИИ в телефоне сказал, что открывать его самостоятельно опасно и запрещено.

«Запрещено», – повторил я про себя, сворачивая на подъездную дорогу. Это слово всегда действовало на меня одинаково – как вызов на переговорах. Если клиент говорил «это невозможно» или «зря стараетесь, я не заинтересован», я удваивал усилия и закрывал сделку. Пусть так, как говорит нейросеть – открывать контейнер опасно, но в конце концов, это мой участок, моя земля, купленная на мои деньги.

Да что тут думать? Гастробайтеры с Садового приходят на помощь! Там и найду работяг. Будет день будет пицца, как говорил, кто-то из предков.

Утром меня разбудил звонок от «строй-маж-монтаж-шантаж...блаблабла»:

– Да всё нормально, я позвонил куда следует, приехали – увезли, кто? Да я откуда знаю, вызвал по 112, приехали, практически следом после твоих рабочих, достали краном,

всю землю мне распахали – а там контейнер с продуктами какими-то древними, я не знаю точно. Слушай, я спал, и продолжу. Извинения приняты. Нет, пока стройка на стопе, я дам знать, если передумаю.

Я повесил трубку. Элитные строители, ну да ну да. Чуть что непонятное – сразу в кусты. Ну и хрен с ними. Развернуться и бросить яму я уже не мог – не в моих правилах бросать незакрытые задачи. Поеду на «Садовод», возьму там поденщиков подешевле. Зачем мне переплачивать фирме за испуганные рожи? Лопаты, кирки – всё взял сам, в трех экземплярах, кинул в багажник старого Кашкая из каршеринга. Идея командовать нелегальной бригадой с рынка мне очень даже понравилась. На месте я выставил жесткие рамки: ходить только по тропинке, от ямы ни на шаг. Камера наблюдения на углу дома писала каждый чих. Я чувствовал себя генералом на личной секретной базе.

Пока работники трудились, я не спускал глаз с ямы, чтобы не бродили по участку. Туалет им достался от прежних рабочих – этот синий пластиковый короб, к которому ближе, чем на два метра не подойти, так воняет. Им сойдет, не в домашний же туалет их пускать? Кофе действительно хорош, вторая чашка, возможно, была лишней, но одной не хватило, чтобы запить десерт. Надо будет поблагодарить Стёпу за совет с зернами.

Я не камера наблюдения, в самом же деле? Пусть она за ними и наблюдает – логично? Логично! Я доспал утренний

сон, проснулся, пробежал на беговой дорожке нужное количество километров, принял душ, а когда выходил, потирая пушистым белым полотенцем голову, услышал стук в стеклянную входную дверь.

– Откопали, сделали лесенку, как вы просили. Всё, готово!

– Отлично, ребята! Молодцы.

Я неспешно оделся, пошел принимать работу, лестница была сколочена из досок, но сделана добротно. Я спустился, испачкав руки остатками грязи на перекладинах. Обошел контейнер со всех сторон.

– Хорошо! Всё хорошо, вы справились быстро, вам по тысяче сверху каждому! – С этими словами я отсчитал хрустящие купюры и передал их чумазым работягам. – Вы же не против обратно на такси? – продолжил я?

– Спасибо! Мы на автобусе сами, остановка же там? – он указал на восток.

– Да! Спасибо вам еще раз!

Они ушли, и тут, как назло, пошел дождь, я поспешил в дом.

– Чёрт! Яма не накрыта брезентом. Да и хрен с ней, брезент бы все равно провалился с водой, и потом его еще доставать – логичная мысль сразу же меня успокоила.

Дождь среди бела дня закончился через пару часов, я вышел во двор и подошел к яме – вода внизу была примерно по колено.

– Вот же... ну блин ладно, тогда не сегодня – сказал я себе вслух и пошел в дом, готовиться к завтрашней деловой встрече.

Сосредоточиться было сложно, так дело не пойдет. Лазать туда вниз и там копаться в грязи я не хочу. Надо будет вызывать кран, найду тех, кто меньше вопросов задает, и готов сделать работу быстро.

Поисковик выдал, что на такие габариты лучше вызвать мощный кран на гусеничном ходу. Диспетчер в первой попавшейся компании по началу сомневался, но, когда я предложил им сто тысяч рублей на месте без всяких лишних документов, на другом конце провода мгновенно зашуршали.

В ожидании крановщика, я нарисовал условное место ки-нув поперек друг друга два рулона туалетной бумаги – крест отлично видно.

И что они так долго? – обещали за два часа, а прошло уже...? – и тут за глухим забором послышался рокот тяжелого дизеля – тягача, который вез на себе тяжелый кран.

Звук гроыхал так, что у меня в затылке что-то свело. Я вышел на улицу. Огромная фура, светя во все стороны оранжевыми мигалками, еле вписывалась в поворот подъездной улицы. На длинной платформе, прикрученный массивными цепями, сидел гигант – кран на гусеницах.

И на что я подписался? Какой-же хаос меня ожидает после всех этих дел... Но, обратного пути нет, бассейн мне всё равно нужен, а разобраться с находкой по любому надо.

Громадина занимала дорогу целиком, бесцеремонно обдирая ветки с соседских берез. Она остановилась как раз напротив моего участка, кашлянув облаком сизого вонючего дыма, что я невольно закашлялся.

Водитель, даже не глуша эту сволочь, вылез из кабины и подошел ко мне.

– Ты вызывал?

– Да, я, и давайте, пожалуйста, на «вы», хорошо?

Он ухмыльнулся и сказал: «ладно», после чего полез откидывать железные трапы. А из самого крана высунулся хмурый мужик в замасленной бейсболке. Выглядел он так, будто он пахнет кислым потом и соляжкой.

Когда он завел свой агрегат, у меня внутри все завибрировало. Кран начал медленно сползать назад, на дорогу. И тут начался такой адский скрежет, что у меня челюсть свело – стальные гусеницы с сухим, рвущим уши лязгом давили рифленый металл платформы. Цепи звенели, платформа ходила ходуном. Когда этот кабан наконец спрыгнул на дорогу, то так бахнул, будто где-то рядом взорвался пакет.

Мужик много вопросов задавать не стал. Глухо шлепая высокими сапогами по жидкой жиже, он спустился вниз, к котловану, прикинул масштаб катастрофы и недовольно покачал головой:

– Яма-то у Вас тут глубже двух метров!

– Ну да, но верхушка контейнера то примерно в двух? – парировал я, стараясь говорить уверенно. А сам подметил,

что не ошибся, пах он ровно так, как я и представлял.

– Это да, – буркнул он, оценивая проушины бокса. – Слышь, хозяин, – экскаватор тут, может, и проезжал, но он в два раза меньше был. Короче, въездной бордюр я тебе расколю, и ворота краем стрелы точно задом задену, когда разворачиваться буду – радиус не тот. Заезжаем или как?

– Заезжайте, ворота не тронешь, – отозвался я. – Секцию забора специально сделал съемной на время стройки. Раскидаете? Доплачу.

Я сбегал к крыльцу, схватил шуруповерт и вручил его крановщику. Он за пару минут выкрутил саморезы, удерживающие временные глухие листы профнастила. Они с водителем тягача подхватили освободившуюся трехметровую раму и просто оттащили ее в сторону, открыв для широкого проема прямо с дороги. Бордюр пойдет под замену, да и вообще, забор думаю сделать кованным и всё переделать.

Кран двинулся вперед. То, что строители до дождей выехали аккуратно, эта махина превратила в кошмар. Стоило гусеницам съехать с асфальта на мокрую землю, как они с мерзким чавканьем распороли дерн. Кран пополз к яме, мгновенно прорывая за собой рвы глубиной по колено. Всё плыло, превращаясь в жидкое месиво. Кран встал у самого края котлована, немного завалившись на бок. Два рулона туалетной бумаги – мой идеальный крест – просто размазало стальным траком в кашу.

Мужик как-то быстро и проворно защелкнул тяжелые

стальные тросы на проушинах этого черного гроба.

– Хозяин, отойди-ка к дому, – крикнул он мне, залезая в кабину. – Трос если лопнет – пополам перерубит, а на тебе даже каски нет!

Раздался такой свистящий вой, что я в очередной раз закрыл уши руками. Стрела крана поползла вверх, канаты натянулись и зазвенели. Двигатель заорал так, что, казалось, у меня стекла в доме лопнут, из трубы повалил сплошной черный деготь. Весь кран накренился к яме, его противоположная гусеница даже оторвалась от земли – мне на секунду показалось, что он через секунду он перевернется и свалится в прямо на бункер. Наблюдая из-за стекла за работой крана и глядя, как качается этот тяжеленный короб, я то и дело был готов зажмуриться, ожидая полного фиаско.

Но всё обошлось. Глина на дне сдалась, причмокнула так, что я даже в доме услышал и наконец-то отпустила эту бандуру. Покачиваясь из стороны в сторону короб поднимался вслед за стрелой крана. Мужик в бейсболке развернул её и опустил тонны этой загадочной хрени на изуродованный участок. Теперь мой участок выглядит прямо как дороги в моем родном городе весной. Ладно, разберусь с ящиком, а потом и бассейн возобновим. Наверное, на стройке по-другому и не бывает.

Дизель наконец-то заглох, и крановщик вылез из кабины, вытирая лоб рукавом:

– Веса-то тут вышло намного больше, чем просили!

– Возможно, – согласился я, – Это мой батя строил бункер тут в восьмидесятые еще, много металла наварил. Вот я решил достать, чтоб не гнил тут, может на металлолом сдам.

– Доплатить бы неплохо.

– Это без вопросов, вот пятерка сверху. И еще тыща, чтоб забор на место прикрутили, хорошо?

– Хорошо... – с этими словами он спрятал деньги, поднял стремянку, отцепил лебедки и убрал свои опоры.

Кран, так же скрежеща и выворачивая куски земли, выполз с участка, окончательно превратив мой будущий английский газон в танковый полигон. Затем крановщик позвал водителя фуры, и они вместе вернули всё на свои места. Готовясь к новой порции рева и скрежета металла, я ушел в свой дом, напрочь устав от этих звуков.

Я остался один.

Дождь смывал с короба остатки земли и грязи, оставляя черно-коричневые разводы. Теперь я видел, что эта черная хрень – что-то вроде гидроизоляции, а там, где экскаватор сорвал кусок, кажется уже и ржаветь начинает.

Я обошел короб со всех сторон. Длинная сторона была метров девять, может больше, а короткая не более четырех, высота метра три, мои вытянутые руки не дотягивались до верхнего края примерно на восемьдесят сантиметров. Края по бокам гладкие, немного скругленные, как и ребра жесткости по всей площади. С трех сторон – как единый кожух, без окон и дверей, без щелей и прочего, есть какие-то мас-

сивные закрутки по восемь штук с длинной стороны и три с короткой. С четвертой – короткой стороны, что-то похожее на откидную дверь. Она немного утоплена внутрь, так что штурвал (похоже, замок), который торчит в толстом слое глины, не выдается за габариты.

Открывать эту дверь я пока не буду. Вдруг упадет на меня?

Я сделал пару снимков на Айфон и закинул в поисковик. Экран выдал кучу предупреждений: советский военный гермобокс, внутри тяжелая законсервированная бронетехника. И жирное предупреждение в конце: «При открывании многотонная дверь резко падает вниз под собственным весом. Стоять строго в стороне!»

Пока я читал эту жуть, в окне вылезла куча автоматического бреда про смертельные газы и утилизацию на металлолом.

– Всё, МЧС приехали, внутри был гражданский трактор, опасностей нет, сказали – можешь сдать на металлолом. – я уверенно вбивал текст в диалоговое окно, – но вот беда они закрыли дверь, а я забыл там телефон и даже не могу позвонить и попросить их открыть. Как я могу безопасно открыть дверь, куда мне стать, и что делать?

В ответ чат-бот посоветовал счистить глину, крутить штурвал против часовой, беречь ноги.

Обвести его вокруг пальца оказалось куда проще, чем пообщаться с непридирчивым клиентом – мысль ликования

родилась в голове.

Я понял, что, упав, такая дверь ляжет мертвым грузом и поднять её в одиночку я точно не смогу. Значит и открывать её пока не стоит, ведь содержимое, чем бы оно ни было, окажется на виду у каждого, кто заглянет по эту сторону забора. Разберусь с этим завтра.

Посреди ночи меня разбудил звонок на мобильный. На экране высветилось: «Сигнализация». Я поднял трубку и услышал: «Внимание! Тревога! Сработал датчик удара». Я нажал 10* и сбросил вызов, матернулся сквозь зубы и прямо в трусах и халате ломанулся вниз по лестнице, на ходу надевая свои беговые кроссовки. Только бы не град и не ветка с соседского участка.

Мой новый отполированный автомобиль, надеюсь это просто резкий порыв ветра! – с этими мыслями я в мгновение оказался на улице. В свете фонаря, который зажегся, уловив мое движение, я рассмотрел мой Порше, с ним всё было в порядке. – Ну, точно ветер, – с этой мыслью, которой сам понимаю, что успокаиваю себя, развернулся и заметил краем глаза контейнер. Свет до него почти не доставал, но мне показалось, что в нем что-то изменилось. Я включил фонарь на своем сотовом и пошел в его сторону. Свет огибал края передней, или задней части, я для себя не решил, где какая. Но и проваливался куда-то внутрь.

С каждым шагом я всё отчетливее видел – дверь лежит на земле, вход открыт. Взрослый разум голосом моего отца кри-

чал: «Миша, иди в дом, запишись и звони в полицию, мало ли кто там замок вскрыл!», но ноги при этом сами шли вперед. Грязь, глина, дорогие кроссовки – всё это как будто отступило на второй план. В свете луча внутри контейнера угадывались очертания чего-то огромного. Настоящего... Это был какой-то танк, или... БТР? Похоже на то. Луч от телефона прогонял темноту и освещал кусок матовой, темно-зеленой брони. На ней не было ни единой царапины, ни следа ржавчины, лишь крупная надпись «Кандагар-88». Я сделал еще полшага вперед, заглядывая внутрь открытого контейнера. Изнутри повалила такая вонь, которая ударила в нос воспоминаниями о стыде, с которым приходилось ездить на окраину и ремонтировать свой старый Мерс.

Ну и что мне с тобой делать, а? – слишком громко для ночного времени сказал вслух, – как тебя сюда засунули, и как тебя достать? Ни дверей ничего не видно.

Пролезть между стеной и машиной я не пытался, уж больно узкий проем, застрять тут посреди ночи не хотелось бы. Но и оставлять всё так, я не мог.

Я принес из дома большой фонарь и решил через камеру телефона осмотреть, сколько увижу в узких проемах. Справа ничего, а слева? А слева на стене контейнера увидел рычаг, он был примерно в пятидесяти сантиметрах от меня, и я легко мог достать его рукой. Решил просто проверить, потрогать, чтобы понять, он там просто для красоты, или действительно что-то может подвинуть. Лишь едва его кос-

нувшись, похоже привел в действие какой-то скрытый механизм. Сверху заскрипел старый динамик, из которого раздался строгий, высокочастотный мужской голос: «Десять... Девять... Восемь...» я тут же выбежал наружу и успел отбежать к своему автомобилю.

Представив, с каким грохотом рухнет еще какая-нибудь железная плита, я зажал уши руками. Но это оказалось излишним. Голос отчеканил: «Ноль». Я выждал пару секунд – тишина. Никакого удара не повторилось. Большой фонарь лежал на земле и светил в сторону дома, убегая в панике я его отшвырнул подальше. Но фонарь на телефоне позволил мне разглядеть силуэт медленно поднимающейся створки с левой стороны. Вот она поднялась градусов на тридцать и раздался громкий металлический щелчок. От этого звука я аж подпрыгнул и вновь отбежал на безопасное расстояние. После третьего щелчка она встала параллельно газону. Наличие этих щелкающих звуков говорило прямо – тут как в автосервисе, значит многотонная плита зафиксирована и теперь условно безопасна.

Обойдя вокруг контейнер, окончательно измазав в глине свои фирменные кроссовки (грязи на моём участке стало много, как никогда), я узнал знакомое очертание – да это же модульный дом! Я такие пять лет назад продавал!

Осторожно подойдя к поднятой створке, прежде, чем встать под ней, я поднял строительную лопату и постучал по её краю – вроде бы не шатается. Большой фонарь освещал

тил скрытую ранее стенку. Теперь я смог разглядеть мощный гидравлический механизм, но лезть к нему всё равно было страшновато. Тогда я направил луч на саму машину. Передо мной стоял восьмиколесный монстр цвета хаки. Краска выглядела всё такой же свежей, будто она вчера сошла с конвейера. Я такие уже видел – давно, в третьем классе, когда похожая машина приезжала на День Победы в наш школьный двор. Тогда суровый мужик в камуфляже даже близко нас не подпустил не то, что внутрь, но даже не дал потрогать броню, рывкнув на весь двор: «А ну отошли от техники!». Помню, как мне тогда до слез хотелось заглянуть внутрь этого железного монстра, узнать, что там внутри? Руль или штурвал? А какие кнопки и для чего? А сейчас подобная машина стоит прямо передо мной. На моем участке. И никто больше не прикрикнет и не прогонит. Сейчас возьму да открою этот, как его... десантный люк!

Мой внутренний голос подсказывал: – Мужик, звони в МЧС! Тут уже всё стало пугающе серьезным, не думай даже лезть туда.

Но десятилетка внутри меня наотрез отказывался сдаваться. Ну уж нет. Хрен я кому позвоню, пока сам здесь всё не проверю. Я убрал телефон в карман халата – мало ли что, пусть эта универсальная палочка-выручалочка будет со мной.

– Так, эта штука военная. Было три или четыре отчетливых щелчка, значит, панель плотно и надежно зафиксирова-

на, — говорил я сам себе. — Ну и в конце концов, гидравлика тоже её держит.

С этой успокаивающей мыслью я подошел вплотную к створкам десантного люка.

Я ухватился за крепкую стальную ручку, которая была немного утоплена в выступе. Она была холодной и слегка маслянистой. Стиснув зубы, я навалился всем весом, и она поддалась. Внутри корпуса что-то громко лязгнуло, я отпрыгнул назад.

Верхняя половина люка легко, будто невесомая, ушла вбок и вперед, зафиксировавшись у переднего колеса. А нижняя створка с глухим стуком откинулась прямо к моим ногам, повиснув на боковых стальных тросах в аккуратную лестницу.

Фонарь мне не понадобился: изнутри разливался теплый ламповый свет, а в воздухе была примесь запаха смазки, солярки... И озона? Я ощутил некую вибрацию, которая спустил пару секунд словно замедлялась и совсем успокоилась. Свет погас, я включил фонарь и заглянул внутрь, вода лучом влево-вправо. Естественно, никого внутри не было.

Любопытство опять взяло верх, и я залез целиком в машину. Слева от люка я увидел рычаг, над которым была простая надпись: «ПИТАНИЕ». Я поднял его до щелчка, и вся техника внутри вместе с лампами освещения вновь ожила. Никакого вооружения в салоне не было, всё напротив выглядело почти гражданским. Вместо узких смотровых щелей бы-

ло небольшое лобовое стекло с едва заметной сеточкой (как бывает на автомобильных стеклах с подогревом), через которое в свете фар я увидел те самые гидравлические поршни контейнера, поднявшие боковую панель. На самом стекле в правом нижнем углу была гравировка «САПФИР-8ПН».

Почему-то при первом взгляде на БТР я не заметил сразу одну важную деталь. Но затем понял – передо мной не боевая машина, а скорее, какая-то научная, или исследовательская. Ни внутри, ни снаружи не было ни пулеметов, ни боеприпасов, а за спиной водительского сиденья было подобие огромного бака из идеально отполированного сверкающего железа, на котором была надпись: $\langle 3[\lim_{r \rightarrow 0}]^3 \{M\} dt/d\tau(\omega) \rangle$, – видимо, какие-то советские формулы.

Я забил в поисковике пару запросов. По надписи: «Кандагар 88» на корпусе мне ожидаемо вылетели хроники афганской войны периода вывода советских войск. А на шифр: «САПФИР-8ПН» сеть выдала, что я, возможно, ошибся в названии, и подсунула ссылки на какие-то бытовые септики.

Я сел в водительское кресло – сегодня мне точно не до сна, хотя на часах было уже три ночи. Сиденье слегка скрипнуло под моим весом. Оно оказалось влажным и прохладным. Со всем не таким комфортным, как в автомобиле. Сделав фото приборной панели и загрузив её в Гугл, получил ответ: перед вами вероятно приборная панель БТР-80, модифицированная. В правой части мы видим стандартные... в левой части похоже на дополнительные измерительные приборы.

На приборе слева было несколько кнопок «ВКЛ МОДУЛЯ», «ВВОД» «ДАЛЕЕ», «СБРОС» и под ними кнопки с 0 по 9 и серебристый тумблер «ПИТАНИЕ», но этот прибор не светился.

Я дернул тумблер снизу-вверх. Сразу же кнопки подсветились изнутри мерцающим светом, а над ними в углублении появились два циферблата с цифрами красного цвета, слева, похоже часы – я сверил с телефоном, время совпало, и дата была текущая 13.04.2026 секундная ячейка отсчитывала секунды ровно также, как часы на Айфоне. Справа же горели пустые ячейки `_.|_.|_.|_.|_/_.:_.:_.|` того же красного цвета.

Я сфотографировал уже включенную панель и еще раз загрузил в поисковик, на что он сообщил, что это похоже на советский пульт навигации, и он находится в режиме холодного старта. Требуется пара минут для связи со спутниками.

Из чистого задора я решил проверить систему методом тыка. Вбил в правые пустые ячейки сегодняшнюю дату и время. Нажал «ВКЛ МОДУЛЯ».

Динамик тут же выдал: «ВНИМАНИЕ, ошибка, негерметичный модуль».

Ну точно, люки-то открыты! Пришлось вылезти, испачкать халат в липкой смазке и с грохотом захлопнуть за собой тяжелые стальные створки.

В тот момент я с искусственным интеллектом был не согласен, откуда приборы GPS в машине из СССР? Да и вся

эта приблуда больше напоминает... что-то знакомое, где-то в кино видел подобное... Да, точно! Напоминает циферблаты из машины «Делориан», только, если бы их делали в каком-то НИИ имени как его там.

Поскольку я нахожусь в околонуучной машине, я решил проверить этот прибор методом научного тыка. Кнопка «ВКЛ МОДУЛЯ» не работала, кнопки «ВВОД» и «ДАЛЕЕ» также ничего не меняли. «СБРОС» ожидаемо тоже ничего не изменил. А вот с цифрами все работало, я нажимал на кнопку 1 и она появлялась в правом циферблате: 1. | . | . | . | . | . | / | . : . : . : . , и другие цифры выставлялись после неё. Ну понятно, допустим это какой-то программатор, я ввел сегодняшнюю дату 1.3|0.4.|2.0.2.6/ и посмотрев время на часах добавил в самую правую сторону текущее время, с произвольными секундами: 0.3:1.5.:2.2. Ну, и что дальше? Наживаю «ВВОД», щелчок, что-то загудело. Ну хорошо, я сел чуть ближе к краю кресла и нажал «ДАЛЕЕ» – никакой реакции. «ВКЛ МОДУЛЯ» сбросил все цифры на циферблате появилось: 0.0|0.0|0.0.0.0|/ 0.0:0.0.:0.0, это сопровождалось голосовым оповещением из скрипящего динамика «ВНИМАНИЕ ошибка, код 03, не герметичный модуль».

Я нажал «СБРОС», циферблат очистился, но не только тот, что справа, но и тот, что был слева. Пришлось смотря телефон последовательно ввести действительное время, вроде бы справился хорошо и секунды введены верные, – так, ладно, эту кнопку не буду трогать, попробую не сбрасывать

ошибку. После этого я ввел цифры и в правый модуль, но прежде, чем нажать на «ВКЛ МОДУЛЯ» я понял, возможно ошибка вылезла из-за открытого люка. Делать нечего, интерес не угасал, я подошел к выходу, увидел на нижней створке ручку-скобу, – тяжелая, пришлось напрячься, но мне под силу, в спортзале я и не такой вес поднимал. Створка поднялась, я повернул рукоятку – щелчок, – похоже держится. Я отпустил, и створка осталась в вертикальном положении. За верхней створкой пришлось почти по пояс вылезти из машины, она, как и прежде, была куда легче нижней. Когда после приложенного усилия она захлопнулась на нижней. Пришлось опять прикоснуться к промасленной массивной ручке, почти такой же липкой, как и была снаружи. Я потянул её обеими руками и опять этот лязг, только в этот раз много громче, чем он ощущался на улице, и щелчок, – ну значит закрыто. Пришлось запачкать свой халат, вытерев руки от этой смазки.

Вернувшись в водительское кресло, я заметил, что теперь циферблаты светятся значительно ярче, – теперь ошибки быть не должно, давай посмотрим, что ты за зверь, – и я нажал «ВКЛ МОДУЛЯ».

Сначала ничего, затем, я стал ощущать легкую вибрацию в кресле, взялся за штурвал, он также немного вибрировал, скорость и интенсивность вибрации усиливалась, но не её сила. Голос из колонки просигнализировал: «ДО ЗАПУСКА РЕАКТОРА 180 СЕКУНД, ДЛЯ ОТМЕНЫ НАЖМИ-

ТЕ СБРОС, ОСТАЛОСЬ 170 СЕКУНД, ДЛЯ ЗАПУСКА БЕЗ ТАЙМЕРА НАЖМИТЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ВВОД И ДАЛЕЕ, 160 СЕКУНД...»

Ну, давай, ПОЕХАЛИ! – с азартом процитировав Гагарина, я нажал на две кнопки подряд.

- «СИСТЕМА ГОТОВА, ТРИ, ДВА, ОДИН, ПУСК».

В этот момент я ощутил что-то похожее на ускорение, какое однажды получил на лыжах в Роза-хутор... да, после того раза я и не катался, уже... пять лет? Да, где-то так. Уж сильно навернулся, ладно ничего не сломал и не растянул.

После слова «ПУСК» в ту же секунду перед лобовым стеклом быстро мелькнул свет.

- «ИСПОЛНЕНО», – сухой голос из колонки отделался одной фразой и замолк.

И что? Что было? Ничего? Это какая-то световая установка, или что? А-а, похоже это, какой-то сейсмограф, и вот вибрация постепенно утихает.

Ладно, время действительно уже позднее, вроде разобрался, назначение машины какое-то научное, вернусь сюда завтра вечером.

Я потянулся в карман халата за телефоном. Его там не было, проверил второй – тоже. Ах вот, что там упало, когда я вылезал за верхней створкой – логично и неприятно, надеюсь чехол спас.

Открывание створок изнутри оказалось значительно более легкой задачей, я вышел, поднял свой телефон, он лежал

экраном вниз, но кромка чехла спасла от падения, но и днище контейнера было каким-то мягким и прорезиненным.

Включаю экран и вижу: 15 пропущенных звонков, куча уведомлений из мессенджеров и СМС. Заряд батареи опустился до 23%. Опять я попал в спам базу, очередной недовольный клиент подкинул подлянку, – с этой мыслью я зашел в журнал вызовов. Нет, там были пропущенные звонки от шефа, коллег, и два звонка от мамы. Что им всем нужно в это время? Открыв мессенджер, я увидел кучу сообщений от шефа: «Михаил, ты где? Всё в порядке» – первое сообщение, дата отправки 13 апреля 10:20, но дальше градус накалялся, в конце он написал «Миша, надеюсь с тобой всё в порядке, перезвони, как сможешь»

Хм... Но перезванивать в это время – три часа двадцать пять минут ночи было уже поздновато, я вернулся в машину, чтобы выключить рубильник питания, закрыть люки и пойти спать. Войдя внутрь, я еще раз взглянул на циферблаты, слева и справа было указано:

1.4|0.4|2.0.2.6|/ 0.3:2.5.:5.8., пару мгновений и время на нем показывало уже 03:26., циферблат справа показывал 1.4|0.4|2.0.2.6|/ 0.3:1.5.:2.2 и не двигался. Почему четырнадцатое число? Слева же было 13, как и сегодня на моем телефоне, я его еще раз разблокировал, и... четырнадцатое апреля две тысячи двадцать шестого, вторник. ЧТО?

Так, ну допустим, я ошибся и ввел эту дату справа, случайно решив поставить после цифры тринадцать в левой ча-

сти, я вбил четырнадцать в правой, как сделал бы в правой ячейке Excel для своего отчета...

Меня переполняла эдакая смесь детского задора и восторга: «у меня есть машина времени!», с ощущением, что все происходит во сне, пугающем своим реализмом сне.

Я вернулся в дом, оделся потеплее и взял две стремянки с гаража. Кое как смог накинуть брезент на выступающий козырек – откинутую гидравликой сторону контейнера. Я уже не особо обращал внимание на сырость этого материала, на грязные разводы, которые он оставлял на моем спортивном костюме из флиса, просто делал своё дело.

И пошел наконец-то спать, на утро у меня насущные задачи – объяснить все начальству и ответить на сообщения. Но не сегодня.

Я проснулся по будильнику в половину девятого, совершенно не выспавшись. Мысль о том, как объясниться с начальством пришла сама собой – мигрень, то самое состояние, когда ты полностью выпадаешь из жизни на целые сутки, а то и больше. Я набрал шефа, напустив в голос побольше хрипоты:

– Федор, привет. Извини, что не отвечал. Вчера так дико голову сдавило, думал, глаза лопнут. Приступ старой болячки, лет четырнадцать о ней не вспоминал, а тут накрыло – пластом лежал, даже на экран смотреть не мог. В самом начале приступа СМС тебе пытался отправить, но номером ошибся. Понимаешь, накрыло неожиданно, и часть

области зрения просто скрыло черное пятно. Прошу прощения за это...

— Миша, рад, что ты вышел на связь, — бодрым голосом отчеканил шеф, — понимаю, о чем ты говоришь, моя жена страдает такими болями чуть ли не раз в месяц, а вчера еще и такая сильная вспышка на Солнце была, офис на час остался без электричества, так что, видимо, и тебя она накрыла... Приходи в себя и не переживай, отлежись еще денек и завтра увидимся!

Я повесил трубку, выключил звук на телефоне и проспал еще часа три, не меньше.

Проснувшись, я лежал, глядя в потолок и вспоминал детали вчерашнего приключения. В голове не укладывалось, это всё произошло в реальности? Все выглядело, как сон. Кажется, я совсем выпал из реальности. Постепенно наваливался приступ головной боли. Не соврал, получается, не соврал... на этот случай я держал дома банку колы, и болеутоляющее. Сам я еще не пробовал этот лайфхак, но помогло удивительно быстро.

Допивая бокал колы со льдом, я смотрел с кухни на брезент, который укрывал внутри себя настоящего монстра.

Пришлось заниматься обычными делами, и я погрузился в переписку с клиентами и друзьями, ответил всем.

И вот на часах уже четыре часа дня. Я разморозил лазанью, и наслаждаясь неспешным обедом, я включил канал Дискавери на кабельном. Там был старый выпуск фильма

Стивена Хокинга про время.

Черт возьми, да у меня же... — с этими словами, я оделся и вышел во двор. Светило солнце, роса на траве давно испарилась, а грязь на участке начала засыхать. Брезент довольно сильно нагрелся, я разрезал его канцелярским ножом по середине, и под каждую сторону поставил стремянку, чтобы вышел жар. Солнце освещало внутреннюю часть контейнера, показывая мне настоящий защитный цвет БТР. Он выглядит ровно также, как игрушка, в которую я играл в детства, только значительно больше в размерах, но цвет прямо один в один, не такой обшарпанный, который был на том настоящем БТР в школьные годы.

Открыть створки десантного люка на этот раз было значительно проще. Я вошел, включил свет, не стал закрываться изнутри и пошел вновь за кресло водителя. В заднем кармане дерматинового кресла торчал какой-то журнал, я достал его.

«Путевой журнал, 1619-КБ Синицын Ларь, НИИ им. В.П. Носика, 1987 г.» - надпись на обложке.

Я вбил название в поисковик буква в букву, на что ИИ помощник выдал, что название вымышленное, такого ученого никогда не было, и добавил, что этот журнал похож на какой-то квест по тематике совет-панка.

На развороте слева была колонка из девяти подписей, а вместо ФИО подписанта напротив каждого автографа надпись от руки «Ознакомлен».

На следующей странице ровно, четко, словно машиной,

но от руки было написано

«Приветствую, Исследователь! Ты нашел этот журнал, поэтому помни главные правила:

Где ты не был и не жил, путь закрыт – таков уж быт;
Барабан внутри цилиндра, времени меняет ритмы;
Думаешь она одна, нано-черная дыра?
Там одна, и еще две, крутятся в своей среде;
Между ними пустота, минус тяжести она;
Выбирая путь учти, люки все сперва запри;
Никому не говори, если ты уже внутри;
У машины путь научный, ей внутри одной не скучно;
Посреди ночи и звезд, очень далеко увез;
Там, где вместо дерева и камня, вырос мост большой стеклянный;
Кто-то строил коммунизм, ну а я за гуманизм»

.....

Если ты читаешь этот текст до ключевого события: SN 2096A (AT 2096aaa) |Hypernova Type Ic-BL/GRB|Target: HD 46150 (J063118.4+045636) in NGC 2237, то поздравляю! Перед тобой открывается уникальный опыт. Можешь просто оставить машину там, где нашел, она будет ждать своего времени, но можешь попробовать ввести координаты: внимание – не более 5 минут при первом запуске!

И больше ничего. Далее в журнале были пустые страницы, и лишь на обложке с задней стороны надпись:

«РДР, Москва, 2197»

Голова после вчерашнего еще соображала туго, и всё это казалось слишком реалистичным, но всё же походило на сон. Такой реалистичный сон наяву, когда ты настолько измотан, что не понимаешь, что реально, а что нет. Я скопировал стих и отправил нейросети с припиской: «Разгадай загадки в инструкции к машине времени».

Айфон выдал ответ почти мгновенно, разложив поэзию на сухие технические пункты:

1. Закон причинности: прыгнуть можно только туда, где эта машина уже физически существовала.

2. Двигатель: внутри капсулы крутятся три микроскопические черные дыры, которые искривляют пространство и в теории могут создать «котовую нору».

3. Безопасность: люки закрывать обязательно, иначе нарушится герметичность и пассажира разорвет вакуумом или поджарит радиацией.

4. Принцип прыжка: машина не летит сквозь пространство и время. Она стоит на месте, но время вокруг нее сжимается с такой силой, что за пять минут внутри — снаружи проносятся годы.

– Ну отлично, блин, тут, оказывается была какая-то инструкция с правилами, загадками, и прочей ерундой... Почему я вчера не порылся в этом кармане? Почему решил потыкать кнопки по наитию... И тут же пришла оправдывающая мысль – не каждый же день, находишь такую штуковину с машиной времени. И у Эдика точно такой нет и никогда

не будет! А уметь разбираться без инструкций, наверное у крови у каждого мужика в нашей стране.

В том же кармане кресла нашелся заводской мануал от обычного БТР-80 с подробным описанием, как сливать отстой со дна баков и как запускать камазовский дизель. Но про прибор с красными циферблатами там не было ни слова. Ну, кажется я и сам в прошлый раз выяснил, что к чему. И если допустить, что я случайно прыгнул вперед, то значит, надо просто ввести правильные цифры и вернуться во вчерашний день.

Я задраил створки, вернулся в кресло и ввел дату – вчерашнее число и время 3:30:00, нажал ВКЛ МОДУЛЯ, почувствовалась вибрация и голос стал отсчитывать время, а я нажал ВВОД и ДАЛЕЕ.

«ВНИМАНИЕ! ОШИБКА!» – раздался грозный голос из колонок, «ОШИБКА НОМЕР ОДИН, ОСТАНОВКА РЕАКТОРА!»

Вибрация начала стихать, механический тумблер с характерным щелчком вернулся вверх и весь модуль погас.

Я вновь его включил. Кнопки засветились, а цифры на табло с обеих сторон показывали прочерки.

Какой-то толчок пробудил усиливающуюся вибрацию, более сильную и быструю, чем прежде. Мое сердце застучало в висках.

Включились и начали вращаться красные маячки по всему салону, и голос, такой спокойный, но громкий и скрипя-

щий, как прежде произнес:

«ОШИБКА КООРДИНАТ! ВНИМАНИЕ, ПОКИНЬТЕ АПП... шшшш РАТ! ПОКИНЬТЕ АППАРАТ! ХРОНО СДВИГ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ В ТОЧКУ НАЗНАЧЕНИЯ!»

Я ломанулся к выходу, дернул за ручку верхней створки, заклинило, дернул еще сильнее – безрезультатно, еще и еще – не поддается. Галопом обратно в кресло и щелкаю тумблер, но модуль не отключается, и вместо этого говорит:

«КОМАНДА ПРИНЯТА, ХОРОШЕГО ПУТИ!» – бодрым тоном напутствовал голос.

– Как, нахрен пути? Выпускай меня, скотина тупая!

Я побежал к рубильнику у входа, чтобы отключить весь свет и всю электронику БТР, дернул его вниз, освещение погасло, но приборная панель и модуль светились в темноте.

«АКТИВИРОВАН РЕЖИМ ТИШИНЫ, ВСЕ ГОТОВО!» – прокричал мужик из колонки, как будто прямо мне в ухо.

Вибрация усиливалась, я побежал в кресло, сел в него и ощутил дрожь. Не сразу понял, дружу ли я сам от прилива адреналина, или это машина? Кресло трясло, как и весь БТР. У меня начало темнеть в глазах, в висках стучало с бешеной скоростью, а спина насквозь промокла.

Я дергал туда обратно тумблер, нажимал СБРОС, но ничего не помогало. Я начал молиться, божиться, что если я смогу выбраться отсюда, то обязательно передам технику куда будет нужно, начну с полиции.

Тряска прекратилась резко, вновь знакомый спокойный

тон легкой вибрации, и свет стал моргать за лобовым стеклом с бешеной скоростью, как бывает на дискотеке, когда включают стробоскопы, я закрыл глаза и молился, вспоминал все свои грехи. Начиная задыхаться, я открыл глаза, вспомнил действия по самопомощи при панической атаке.

В скрипящих колонках включилась мелодия, мой пульс постепенно успокаивался, а дыхание облегчалось. Эта музыка мне знакома, это же... Ride Ланы Дел Рей, только без вокала. Не могла она взяться в магнитофонной записи старой советской техники, а значит это какой-то пугающий пранк моих друзей, или вообще, какое-то шоу, не иначе!

В таком случае я просто подожду – с этими мыслями я откинулся в кресле и закрыл глаза.

«ВНИМАНИЕ! ВКЛЮЧЕНА КОРРЕКТИРОВКА» – скрипящий голос врывался и перебивал песню.

– Очень качественно – сказал я в слух, – очень достоверно все! Молодцы! Я уже все понял, можно прекращать!

Музыка начала стихать, а свет за окном из постоянного свечения вновь стал мерцать, но как будто немного замедляясь. Вместе с этим и вибрация затихала.

«ТОЧКА ДОСТИГНУТА!» – бодрый голос рапортовал мне.

Свечение за стеклом и вибрация остановились. Десантный люк щелкнул, я встал и пошел к нему. Откинув верхнюю створку, я сразу ощутил теплый влажный воздух, который ворвался в кабину. Вокруг было темно, я откинул нижнюю

створку, и вышел в ожидании, что сейчас свет включится и меня встретит съемочная группа, но вокруг было царила тишина, лишь капли дождя, которые стучали по броне и кололи моё лицо.

Конец первой части.

От автора

Слово от автора к Исследователю:

Поздравляю! Первая грань этого хронологического куба открыта, и барабан сделал свой первый оборот.

Если ты читал книгу по «Пути рулетки» – бросая кубик – то эта глава стала для тебя финальной точкой. Посмотри на мозаику, которая у тебя сложилась. Как теперь для тебя звучит этот финал? Заметил ли ты, как сквозные детали прошиваются разные эпохи, связывая судьбы героев?

Если же ты шел Стандартным путем – от первой главы к шестой – помни, что правила этой вселенной пластичны. Ты можешь бросить кубик прямо сейчас, перечитать главы в случайном порядке и увидеть, как сюжет подмигнет тебе совершенно новыми смыслами.

Что дальше?

Загадки закрутились в тугий узел.

Хронологический пазл собран лишь частично. Сюжет второй части готов пролить свет на то, что произошло в точках невозврата.

Если тебе интересен этот аттракцион для ума, и ты хочешь узнать, куда ведет стеклянный мост, подпишись на страницу автора. Так ты первыми узнаешь о выходе продолжения, а твой отклик – это лучший импульс для меня, чтобы завершить вторую часть как можно скорее.

Оставь свой отзыв, поделись тем, в каком порядке выпали твои главы, и...

До встречи в следующей петле времени!